Палата представителей конгресса США проголосовала за значительное увеличение ассигнований подрывным радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа»

РАДИОСТАНЦИЯ "СВОБОДА" "СВОБОДНАЯ ЕВРОПА"

– Прибавьте зарплату, босс, работа уж больно грязная!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

КРОКОДИЛ

О ПЕРВЫХ ДВУХ ЭКСПЕДИЦИЯХ «МЕБЕЛЬ» И «ОБУВЬ» МЫ ПРОИНФОРМИРОВАЛИ ЧИТАТЕЛЯ В №№ 4 И 11. ПУБЛИКУЕМ РЕПОРТАЖ ОБ ОЧЕРЕДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, В КОТОРОЙ ИНОПЛАНЕТЯНЕ ПО ТРЕВОЖНОМУ ЗОВУ ПОКУПАТЕЛЕЙ-ЗЕМЛЯН ПРОДОЛЖАЮТ ИЗУЧАТЬ ЗАГАДОЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ НА НАШЕЙ ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЕ.

Рисунок А. СЕМЕНОВА.

> «...свертывание производства сельскохозяйственных продуктов в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих... преждевременно. Личным хозяйствам надо уделять больше внимания, проявлять о них заботу».
>
> Из материалов октябрьского (1976 г.) Пленума ЦК КПСС.

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ГАМЛЕТЫ КУНГУРСКОГО РАЙОНА

«КШ, ТОВАРИЩИ, КШ...»

Старый город Кунгур славится летописью, ледяной пещерой и пристрастием жителей к парному молоку. Знаменитую кунгурскую летопись штудируют ученые. Знаменитую ледяную пещеру электрифицировали и дисциплинированной цепочкой водят в нее завороженных туристов. Что же касается парного молока, то оно отдано на откуп животноводческому товариществу.

Вам неизвестно, что это за организация? Госбанку тоже, хотя в разных концах страны возникают, дабы объединить владельцев индивидуального скота, подобные беспризорные организации. Когда председатель товарищества явился с официальным желанием открыть лицевой счет, представители Госбанка сделали ладошкой движение от себя, означающее: «Кш! Кш!»

— Вас не существует в природе,— так мотивировал Госбанк свое решение.

— Ну что вы,— удивился председатель, незаметно ощупывая себя.— Очень даже существуем. Нас в товариществе более трехсот человек.

— А мы говорим: не существуете,— и служащий необратимо углубился в бумажки.

К концу рабочего дня у городской конторы Госбанка раздалось мычание. Более десятка отменных племенных быков, собственность товарищества, затянули свою песню, требуя легализации.

— И все равно не существуете,— взглянув в окно, подтвердили позицию солдаты финансового фронта. И это, скажу я вам, не было самодеятельностью. А самодеятельностью, напротив, было бы открыть счет, поскольку ни в одном из пространных банковских реестров не фигурирует единицы, именуемой животноводческим товариществом.

В отличие от благородного общества охраны природы, а также другого не менее благородного — спасания на водах, животноводческие товарищества — институты несколько мифического толка. Они есть, и их нет. До сих пор не разработано примерного устава. Не ясно, под чьей эгидой должны процветать они. В Кунгуре, поразмыслив, сунули товарищество в горкоммунхоз и на свой страх и риск открыли счет в банке. Ввиду давних молочных традиций города, а также непрекращающегося мычания под банковскими окнами. Но вот в смысле процветания...

— Что-что? — переспросила Галина Михайловна Минвалеева, ветеран индивидуального животноводства.— Вы сказали «процветание»? А ну пошли!— и, взяв меня за руку, повела в жизнь.

КТО СТОИТ ЗА СПИНОЙ!

Жизнь предстала передо мной в образе измочаленного человека, при виде которого я крикнул:

— Воды! Скорее воды!

Галина Михайловна остудила мой милосердный порыв.

— Не надо воды. Вода есть у нас — две реки, слава богу. А вот трактор бы...

Измочаленного человека звали Павлом Федоровичем Ковиным. Была у него и должность — председатель этого самого товарищества. Должность-то и выжала из него соки. Который уже день обходил он с протянутой рукой инстанции, прося хоть какой-нибудь тракторишко, потому что как вспашешь без трактора те не слишком обильные сотки, без которых никак не прокормить племенных быков.

«С протянутой рукой»,— написал я, но вы не думайте, что просил он христа ради. Деньги есть у товарищества — прав нет. А администраторы нынче пошли дисциплинированные. Не хотят нарушать инструкцию — и не отпускают хоть и списанный, хоть и под пресс просящийся трактор некоей сомнительной организации. Вот «Вторчермет» — здесь все легально, у них фонды, за ними Госплан, поэтому пусть лучше они возьмут загнанного стального коня да переплавят его хоть на гвозди. За ними Госплан, говорю я, а что за сомнительной организацией? Семнадцать не слишком сытых племенных быков, энтузиазм да Галина Михайловна, ветеран индивидуального животноводства.

— Машину бы нам тоже не мешает,— говорит она.— Чтобы сено возить, да и по разным другим надобностям.

Вообще-то машина есть у товарищества, но... Нет, я не стану характеризовать ее техническое состояние, ибо не сделаю это выразительней Галины Михайловны, а та сказала: «В мешках привезли». Это она о машине — ее в мешках привезли, а после народный умелец Григорий Злыгастев, он же тракторист товарищества, собрал привезенное в нечто такое, что иногда тарахтит и передвигается.

УБЕРИТЕ ХЛЫСТЫ!

Ладно, это проблема № 2 — вывезти сено, проблема же № 1 — накосить его. Где? Шестьдесят соток полагается на корову, этого хватает ровно на четверть осенне-зимнего стояния в хлеву, остальное же время корми, хозяин, чем знаешь. Но сначала прогуляемся по этим шестидесяти соткам, читатель. «Сенокос»,— пишу я, и вы, зажмурив глаза, что представляете? Луг, жаворонок и этакий толстовско-кольцовский размах косы. Не надо. Отложите в сторону нетленную классику. Вот член товарищества Михаил Пахомов — взгляните на него. Где удаль молодецкая? Где разлет инструмента? Нету. Потому что если шибко размахнешься, то заденешь березу или куст шиповника, а это нельзя. На страже зорко стоит лесхоз, и ссориться с ним владельцу скота более чем непозволительно. Потому что лесхоз — благодетель. Лесхоз милосердно выделяет «частнику» прогалины, которые именуются тут еланками, на предмет индивидуального покоса.

— Но,— при этом строго говорит лесхоз,— чтоб ни один листик не слетел с дерева.

— Ни-ни,— клянутся любители парного молока.

— Но! — строго говорит лесхоз.— Почему не срубили данную березу?

— Так ведь ни одного листика...

— Ни одного. Это в принципе. А данная береза подлежит санитарной рубке. Ваша еланка?

— Наша...

— Вот и следите за ней.

Ах, сколько гамлетов живет в наших городах и пригородах — гамлетов, коих не меньше принца датского разъедает рефлексия: рубить или не рубить? Главное — не прогневить его величество лесхоз, тому же плевать на своих подданных. Волоком протаскивает трактором огромные хлысты по еланкам, и уж какая после трава на них! А то и оставит хлыст на еланке, сурово потребовав затем с сенокосца, чтоб убрал. Как? Не меньше ведь тонны в нем, а то и две. Походит-походит вокруг хлыста заугрюмившийся косарь, а потом воскликнет, осененный:

— Да пропади оно пропадом! Или я не гражданин на солнечной земле? — и в тот же день отведет буренку на мясокомбинат, как сделал это член товарищества Михаил Пахомов. Бывший член. Причем бывший навсегда, потому что не припоминается что-то в Кунгуре случая, чтобы скинувший ярмо вновь полез в него. Это сладкое слово — свобода...

ПОДВИЖНИКИ

Но есть стойкие, и они держатся. Достают сено по двугривенному за кило (я не описался — такая нынче цена), ловят «леваков», чтобы сделал ходку по маршруту «еланка — дом», и вообще проявляют великую изобретательность.

— Я, к примеру, из дома не выхожу без мешка и серпа,— говорит ветеран Галина Михайловна.— Там — лопух, здесь — одуванчик. Зимой все съестся.

— А комбикорм? — грамотно спрашиваю я.— Его ведь не подберешь на обочине, а без него не продержаться.

Если уж я, сугубо урбанистический человек, знаю, что без комбикорма нынче не вытянуть скотину, то кто, скажите, не ведает этого? И тем не менее продажа комбикормов населению уподобляема свободной стихии. Сегодня они в одном магазине, завтра — в другом (а прежде было централизованно), вчера — вволю, а нынче, будь добр, сдай сначала маслице. И подвижник сдает. Покупает, а потом сдает...

— В магазине покупает-то? — вострю я ухо.

— Ну да!— говорит Галина Михайловна.— Они что, дурни, магазинное принимать?

— А есть разница? — прикидываюсь я.

— Еще бы! Только взглядом мазнут и уже видят, откуда. В деревню езжу, покупаю там, а после — на комбинат. У меня ведь двое внучат,— прибавляет Галина Михайловна, поясняя.— А им как без парного-то? У нас это семейная традиция: на парном молоке выращивать детей. Крепкие, знаете, организмы получаются.

НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

Гляньте в окно, читатель,— лето на дворе. Солнце, цветы, птицы, трава... Трава — она-то и интересует нас. Идя в ногу со временем (года), забудем до осени про комбикорма и сено, о которых мы наговорились сегодня вдоволь. Пасись, свободная скотина!

Где? Это вопрос, товарищи. Возьмем и благоговейно поставим его во главу угла. Ибо проблема пастбищ, которой не ведают сельские любители парного молока, крепко мытарит любителей городских. Город есть город. В нем что? Стадионы, танцплощадки, парки, бассейны, площади... В нынешней деревне все это тоже есть плюс пастбища. В городе же никакими, даже самыми дерзкими проектами они не предусмотрены. Да и странно как-то было б нам прочитать, что генеральный план развития города Н. сулит населению не только широкоформатный кинотеатр «Космос» и ресторан «Муромец» на сто семьдесят мест с баром и варьете, но и городское пастбище на триста голов крупного рогатого скота. А почему, собственно, позвольте понаивничать, странно? Разве одни только города-миллионеры у нас? Есть ведь и такие, которым в силу разных причин еще долго не вымахать в индустриальные гиганты. Вот им-то как раз хорошие пастбища нужны ничуть не меньше, чем хорошие рестораны с варьете и баром.

Пока что городу таких свободных земель не планируется. В Кунгуре есть два пастбища, но одно из них является по совместительству городской свалкой, а второе... Впрочем, лучше я предоставлю слово Галине Михайловне, у нее это колоритней получится...

— Мотогонки устроили... Ага. В шлемах, мотоциклами тарахтят, но баб наших не очень-то испугаешь. Взялись за руки и ни в какую. Так они и так объедут, и этак, а один даже поверху сиганул, как козел. С мотоциклом вместе... Козлы у нас в товариществе тоже есть — для осеменения. Ага. А траву-то мотоциклами крепко попортили.

Видите: не легки вольные хлеба, да и чреваты. Не единожды было, когда, пообедав на городской свалке или в районе недавних мотогонок, долго маялись после животом наши четвероногие друзья.

* * *

Вдвое уменьшилось количество частного скота за последнее десятилетие. А с кого спросить? Не существует в стране ведомства, ответственного за развитие индивидуального животноводства.

Пещерой, летописью и пристрастием жителей к парному молоку славится старый город Кунгур. Но если бы вдумчивый художник создавал сейчас герб города, то лишь первые два элемента включил бы в него, а вот с молочным символом повременил бы...

Пермская область.

> «Дорогой Крокодил! На остановках нашего автобуса скамейки поломаны, а крыши над головой совсем нет. Среди пассажиров есть больные, инвалиды, матери с детьми на руках. Присесть негде, а если идет дождь, то все промокают насквозь. Скажи, Крокодил, разве трудно сделать такую мелочь, как скамейка и крыша?»
>
> *И. ЗИМИН,*
> *г. Чирчик, Узбекской ССР.*

АВОСЬ, НЕ САХАРНЫЕ...

Отвечаем. Не трудно. Для нашей мощной промышленности соорудить штуковину на четырех палках и сколотить скамейку — раз плюнуть. Только зачем? В плане этих штуковин нет, ни финансового, никакого другого капитала на нем не наживешь. Так что обойдутся.

Вы воскликнете: как это зачем? А люди? Люди мокнут под проливным дождем! Женщины все руки пообрывали, держа младенцев, кошелки! У стариков ноги дрожат!

Ничего, авось, не сахарные, не растают, авось, не пряничные, не развалятся, рассуждают представители нашей мощной промышленности.

Причем где эти люди находятся? На работе? Нет. Вот если бы они находились на работе, тогда другое дело. Тогда и цехком, и профком, и рабочком, и администрация за них бы встали горой.

Люди же мокнут не на работе, даже не дома, а просто на улице. То есть они никому не принадлежат, бесхозные, ничьи. А раз так, то никто им не обязан крыть крышу и ставить скамейки.

Тяжелое это дело—быть ничьим! Ну час, два, когда ждешь автобуса или ищешь по магазинам шестидесятисвечовую лампочку напряжением двести двадцать ватт — еще куда ни шло.

Но побыть ничьим целый день... Автор этих строк решил провести выходной день на природе. С этой целью он поехал в столичный парк культуры и отдыха имени Дзержинского. Надо отдать должное — здесь все было создано для культуры и отдыха: со скрипом вращалось огромное «чертово колесо», раскачивались качели, плавали по пруду лодки, делали «мертвые петли» самолеты.

Стояла ужасная жара, и мне почему-то не хотелось сидеть в «чертовом колесе», делать «мертвые петли», стоять в длиннющей очереди за лодкой. Мне, как это ни странно, захотелось посидеть под раскидистой липой, на свежем ветерке, за аккуратным столиком, потягивая холодное пиво. Вскоре я нашел такой столик. Он валялся под деревом с оторванными ножками...

«Обойдемся без столика»,— подумал я и направился к продуктовому ларьку. Ларек имел богатый ассортимент товаров: спички, авоськи, папиросы, печенье «Юбилейное», зажигалки для газовых плит и прочие очень интересные товары, но, к сожалению, никак не призванные утолять жажду.

— А пиво есть? — спросил я.

Несколько человек сзади меня засмеялись нехорошим смехом.

— Ты откуда? — спросила продавщица.

— Из дома.

— Да он, правда, сбежал из ... дома,— сказала продавщица.— Разве нормальный человек ищет в жару пиво?

— Да как же вам не стыдно! — воскликнул я.— Такая жара, а вы...

— Не растаешь, не сахарный,— ответила продавщица.

Куда податься? Может, на ВДНХ, благо вход рядом? Уж тут-то, наверное, позаботились об утолении жажды! Такое богатое заведение!

Что такое? Суетится огромная толпа, митингует, напирает, ругается, скандалит. Пожар? Несчастный случай? Выбросили японские зонтики? Да нет, просто нашлись сумасшедшие, которые решили в жару торговать пивом.

...Три часа в очереди, и вот наконец-то в руках кружка пива. Долго? Спасибо и на этом! Ведь я бесхозный человек. Скорее бы понедельник — да на работу, под крылышко администрации и общественных организаций!

— За чем очередь?
— Голубой кафель завезли.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

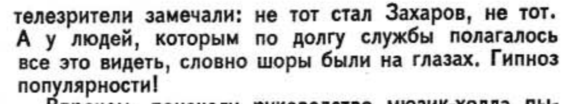

— Третьим будете?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Н. ЛАБКОВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СКОРОПОРТЯЩИЙСЯ ТАЛАНТ

Она слушает меня, поджав губы и надменно кивая головой. Неделю назад она рассказала моей жене сенсационную новость, в достоверности которой я теперь пытаюсь ее переубедить.

— Нет, нет, не может быть! — запальчиво говорит она.— Он же такой романтичный, такой нежный! Наверное, он заступился за честь девушки, а какой-то тип его изуродовал...

— Да кто кого изуродовал?—пытаюсь выяснить я.

— Ну, этот... какой-то администратор... этого прелестного мальчика, певца. Так обращаться с талантами! Этому нет прощения!

Беда, право, с такими поклонницами. Это они, сбивая всех на ходу, бегут к эстраде, чтобы бросить цветок к ногам своего любимца. Да, такую переубедить не просто.

Но у меня в руках факты. Неопровержимые.

Главные действующие лица происшествия — Сергей и Михаил. Так нарекли их папы и мамы где-то в конце сороковых — в начале пятидесятых годов. Таким образом, вышепоименованные граждане — люди зрелые и за свои поступки отвечают.

Работают они в одном зрелищном предприятии. Сергей призван услаждать уважаемую публику, благо природа наделила его симпатичной внешностью и незаурядными голосовыми связками. Михаил — лицо административное. Его заботы — чтобы декорации и статисты на спектакле не качались, чтобы солисты находились на сцене, а не где-нибудь в другом месте и чтобы в зрительном зале все кресла были заняты согласно приобретенным билетам или выданным контрамаркам.

Короче говоря, вроде бы делить им было нечего.

В тот мартовский день во Дворце культуры имени Ленсовета состоялся выездной спектакль Ленинградского мюзик-холла. Перед началом к администратору дворца Роднову зашли за контрамарками несколько артистов, с ними и Сергей Захаров. Находившийся в кабинете главный администратор мюзик-холла Михаил Кудряшов заметил, что Захаров свои контрамарки уже получил. Захарову не понравилось замечание Кудряшова. Кудряшову не понравилось, что Захарову замечание не понравилось.

Слово за слово, и Захаров дал главному администратору в зубы.

Главный администратор, он же, кстати, боксер, заехал невежливому солисту в ухо.

Третий звонок, как удар гонга, прервал схватку. Противники разошлись в разные стороны. Певец — на сцену, услаждать уважаемую публику канцонами о любви и дружбе, администратор — в фойе, следить за порядком.

Казалось бы, инцидент на этом был исчерпан. Но не так считал артист, приученный больше к тюльпанам, нежели к оплеухам.

В антракте он предложил главному администратору «поговорить на улице» после спектакля. «Не бойся,— сказал он великодушно,— до больницы дело не дойдет».

Администратор, он же боксер, не испугался: он не знал, что его будущий противник успел обеспечить себе подмогу. На зов знаменитости уже сбегались дружки: ученик студии мюзик-холла Яковлев, дважды изгонявшийся за пьянки, неистовый меломан Бойко и некий Долбая — бармен одного из ленинградских ресторанов.

Все они терпеливо ожидали, пока кончится спектакль, потом с затаенным дыханием наблюдали, как Захаров позировал кинооператорам для киевского телевидения. Когда же все разошлись и свидетелей не осталось, Кудряшов был приглашен для «разговора». И здесь при свете луны и звезд администратор-боксер сообразил, как он опростоволосился. Он был один, а Сергей Захаров сам-четыре...

У каждой истории есть предыстория. Захаровская была описана в газете «Советская культура» еще в декабре 1974 года.

Там сопоставлялись публичные высказывания молодого певца с подлинными фактами из его жизни.

«Если бы в десятом классе мне сказали, что я буду певцом, я не поверил бы». (Из телеинтервью артиста.)

Образование свое Захаров закончил восьмым классом. (Факт.)

«В Москве я поступил в Музыкальное училище имени Гнесиных. Моя мечта была поступить в Ленинградскую консерваторию». (Там же.)

Обучаясь на первом курсе училища, Захаров стал по вечерам петь в ресторане «Арбат». На экзамен не явился, из училища был отчислен. (Факт.)

Видимо, тут молодой певец решил, что учеба — это не для него. И с готовностью ухватился за предложение вступить в труппу Ленинградского мюзик-холла.

Он нравился публике. Автор признается, что и ему тоже. Скоропалительные успехи хоть кому вскружат голову. Для быстрого взлета нужен тренированный организм. Неуемные восторги поклонниц, цветы, бесконечные концерты на всяких площадках, радио, телевидение, пластинки...

И не смог устоять перед этой лавиной славы молодой человек без мало-мальски путного музыкального образования, без устоявшегося вкуса, без твердых моральных норм. И пошлò веселье, пьяные загулы, забубенные компании...

Даже у великих певцов голосовые связки не из стали. Голос, который не щадят, быстро портится. Бывало, оркестранты тяжко вздыхали, когда молодой певец не мог попасть в тональность. Развязность, жеманство, закатывание глаз, заигрывание с публикой не могли заменить актерского мастерства. Даже телезрители замечали: не тот стал Захаров, не тот. А у людей, которым по долгу службы полагалось все это видеть, словно шоры были на глазах. Гипноз популярности!

Впрочем, поначалу руководство мюзик-холла пыталось направлять, исправлять. А потом будто притерпелось. Публика на Захарова прет, цветов каждый вечер — хоть цветочный магазин открывай. Чего, собственно, волноваться?

А коррозия проникала все глубже: раз все дозволено на сцене, значит, все дозволено и в жизни.

В московской гостинице «Россия» происходит ночной дебош. В главной роли Сергей Захаров. «Знаменитость» отделывается пятнадцатирублевым штрафом. Из южного города приходит сигнал о далеко не рыцарском обращении с девушкой. Захарова журят: «Ай, ай, как не стыдно!» Захаров добродушно ухмыляется: «Ладно, ладно, обойдется».

В самом деле, обходилось.

И вот премьер мюзик-холла выходит в ночной переулок. Мстительный, уверенный в себе. Ведь за ним трое. А свидетелей ни одного...

Михаил Кудряшов пролежал в больнице около месяца. Медики засвидетельствовали: повреждения головы и паха.

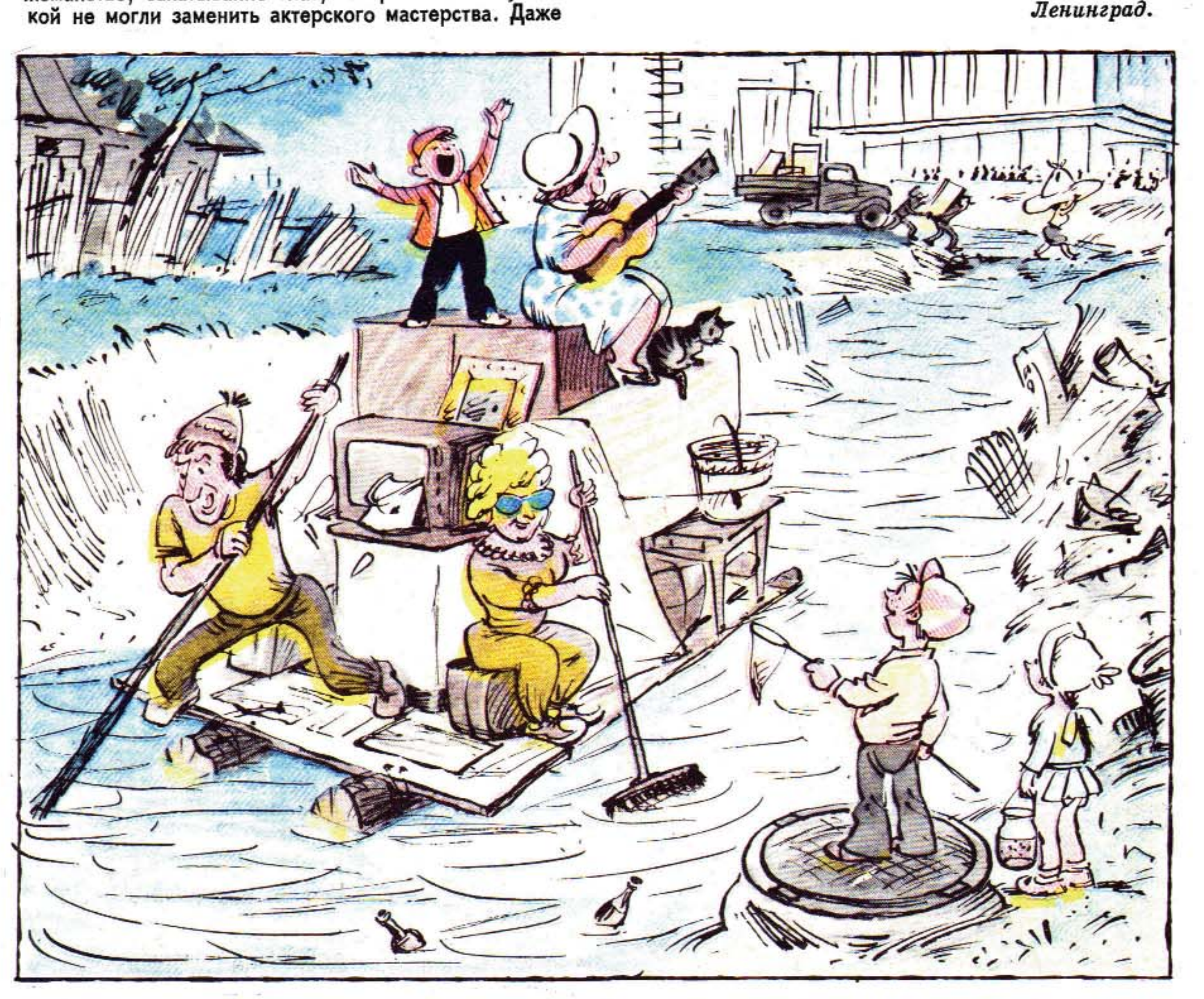
— Избиение? Что вы! Просто драка. Один на один! — заявляет Захаров.— Секунданты? Но они только смотрели.

— Да, да, только смотрели,— подхватывают дружки.— Драка есть драка... Ну, ударил пару раз по физиономии, не сдержался... А ногами — в пах? Клевета!

Получается, что пострадавший Кудряшов сам изловчился и нанес себе повреждение, чтобы бросить тень на доброе имя певца. Получается, что в драке «один на один» боксер получил серьезные травмы, тогда как певец отделался лишь легкими ссадинами. Любопытно, не правда ли?

Впрочем, независимо от того, как разъяснятся подробности, нравственная сторона всей этой истории ясна. На примере Захарова мы видим, что не всякий талант выдерживает проверку успехом. Бывают таланты скоропортящиеся. Их нельзя все время держать в тепле. Их нужно иногда охлаждать. Чтобы не разлагались.

Ленинград.

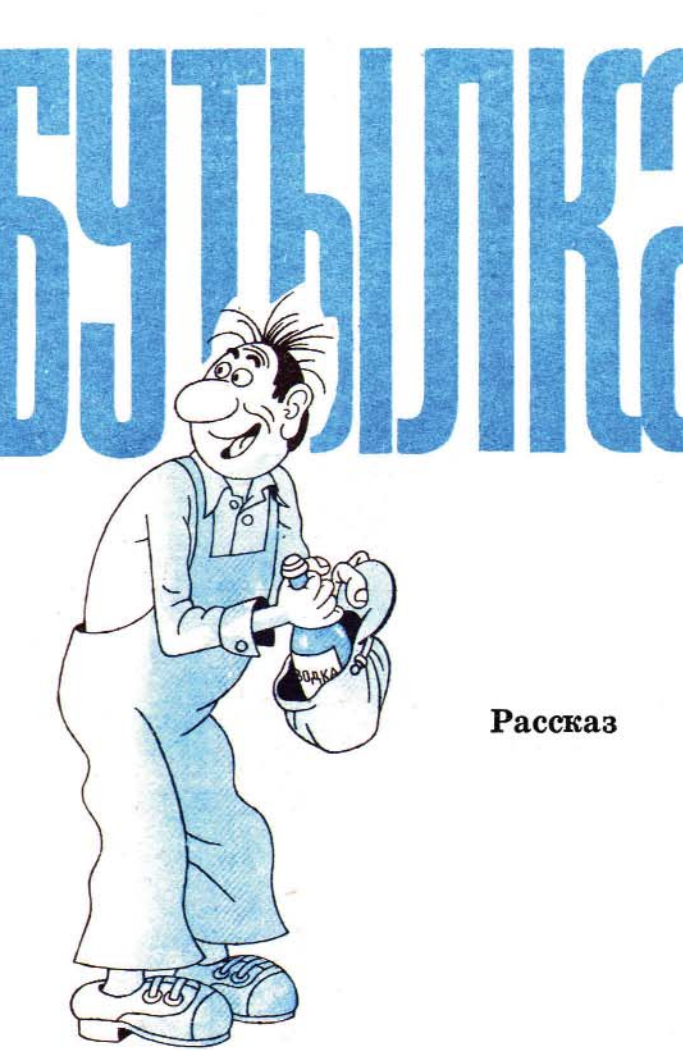

— А мы тоже переезжаем в новый до-о-ом со всеми удобствами!

Рисунок *С. КУЗЬМИНА.*

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ,
Вл. ПАНКОВ

БУТЫЛКА

Рассказ

После вчерашнего Федю Сомова мутило. Не помогли ни стакан газировки, ни перекур... Первое же включение станка принесло бракованную деталь. Федя печально оглядел ее, тяжко вздохнул и пошел к соседу клянчить заготовку в долг.

— Сем,— позвал он Семена Тихонова.

Семен не откликался. Он стоял возле верстака с напильником в руках... и спал. Синий халат был закреплен в тисках и удерживал Тихонова от падения.

— Семен,— толкнул его в плечо Сомов.

Тихонов проснулся и тут же стал суматошно вжикать напильником по детали.

— Да это я, Федор,— успокоил его Сомов.

— А, Федь, привет,— лицо у Тихонова оказалось не менее помятым, чем сомовское.

— Здорово... Я че тебе сказать-то хотел... Помнишь, на той неделе я твою Клавку на улице встретил?

— Ну...

— Так она меня спросила, где тебя носит, а я ей сказал, что ты в библиотеке занимаешься.

— Ну и что с того?

— С тебя причитается...

— Я бы сбегал с удовольствием, да боюсь в проходной прищучат.

— Не бойся, там сегодня дядя Коля дежурит. Скажешь ему пароль, он пропустит.

— Какой еще пароль?

— Ну, какой-какой? Обычный... Скажешь, что с тебя бутылка.

Семен, крадучись между станков, двинул к выходу, а Федор вернулся к своему станку. И тут только вспомнил, что ходил-то не за бутылкой, а за заготовкой...

А Семен Тихонов через некоторое время украдкой возвращался уже к своему рабочему месту.

Еще издали заметил его странные передвижения мастер Зубов. Он сидел в застекленной конторке, заполняя сводку сегодняшней смены.

На боковой стене конторки красовался большой плакат «Пьянству — бой!», под которым на полу лежала горка разбитых винных бутылок.

Тихонов давно был на примете у мастера, но поймать его с поличным никак не удавалось. Заметив подозрительные зигзаги Тихонова, Зубов выскочил из-за стола...

Встреча была внезапной.

— Принес? — строго спросил мастер.

— Чего? — начал строить дурачка Тихонов.

— Будто не знаешь...

— Ну, вы даете, Кирилл Кузьмич...

— Это ты даешь, Тихонов... А ну, руки вверх!

Тихонов послушно поднял руки. Мастер быстро ощупал Семена сверху донизу, но ничего не обнаружил.

— Странно... Чего ж ты тогда крался, как шпион?

— Я?.. Если по-честному, Кирилл Кузьмич, в библиотеку ходил,— вдохновенно соврал Семен,— будем считать, грешок за мной.

— Ладно,— неожиданно быстро согласился мастер,— замну, так и быть. Сделаю одолжение. Но помни мою доброту...

— С меня бутылка, Кирилл Кузьмич.

— Другой разговор, Тихонов...— Зубов с готовностью достал из внутреннего кармана халата стакан и обтер его рукавом.

Тихонов снял с головы огромную кепку-аэродром и доверчиво вытащил из нее бутылку.

Зубов поцокал от удивления языком, взял бутылку и сунул к себе в карман.

— Как же так, Кирилл Кузьмич? — растерялся Семен.

— Ты же сам сказал, что с тебя бутылка,— жестоко пошутил мастер и пошел к себе в конторку.

Побледневший Семен рванулся к Сомову.

— Федя, прокол... Мастер бутылку застукал.

— Спокойно, Сема. Мастера я беру на себя.

Сомов схватил свою испорченную деталь и побежал к Курицыну в отдел технического контроля.

Тем временем мастер Зубов быстро переливал содержимое круглой бутылки Тихонова в свою плоскую стеклянную фляжку. Перелив, спрятал фляжку в стол, а бутылку с негодованием швырнул в цементную стену, на которой висел плакат «Пьянству — бой!». Новые осколки стекла дружно упали на старые...

А через несколько минут в конторку Зубова влетел, потрясая сомовской испорченной деталью, Курицын.

— Это мы так за качество боремся, да?.. Как я начальнику цеха теперь в глаза глядеть буду? Думаешь, я все время прощать вам буду? Думаешь, у меня совесть резиновая?

— Постой, Коля, постой.

— Чтобы к завтрашнему утру сделали качественную деталь!

— А сегодня как же?

Неожиданно Курицын сменил гнев на милость:

— Ну, я припишу одну. В счет завтрашней. По старой дружбе. Мне в отпуск надо. Не хватало еще из-за вашего брака задерживаться...

— Коля, друг, век не забуду!

— Ладно уж. Как говорится, с тебя бутылка...

Зубов в один миг достал из ящика стола стеклянную флягу и протянул ее Курицыну.

— Ты что, серьезно? — хмыкнул от неожиданности Курицын...

По выходе из конторки Курицын встретил инженера Чибисова. Инженер был, как всегда, жутко элегантен и казался здесь, на заводе, иностранной делегацией.

— Витя, привет! — обрадовался Курицын.— Сделал?

— Ты имеешь в виду подводные крылья для твоего катера? Можешь забрать.

— Ну, старик, не представляешь, как ты меня обрадовал! С меня бутылка! — Курицын вдруг вспомнил про фляжку, достал ее из кармана и скрытно протянул инженеру.

Но эта манипуляция не укрылась от алчущих взглядов Сомова и Тихонова. Теперь они поняли, за кем нужно охотиться...

А Чибисов тем временем с фляжкой, заботливо укутанной в чертежи, заскочил в завком к Быстрых.

— Сан Саныч, я насчет гаража, вы помните?

— Помню, Чибисов, помню. Вот списки на кооперативный гараж. Ты в списках. Сегодня утром включили...

Чибисов расплылся в улыбке. В один миг фляжка из чертежей выскользнула на стол.

— Ап!.. Хороша ложка к обеду?!

— Убери, убери. Что за шутки?..

— Как говорят в таких случаях, с меня бутылка, Сан Саныч. Мне, Сан Саныч, все равно нельзя — я за рулем.

В дверь кабинета постучали. Быстрых торопливо спрятал флягу во внутренний карман пиджака. На пороге показались Сомов и Тихонов.

— Да я, в общем, пойду,— смущенно сказал инженер,— мне пора...

— А вы, собственно, с чем пришли? — спросил Быстрых у Сомова.

— Мы-то?..— Сомов стал толкать Тихонова, чтобы тот не выпускал из поля зрения инженера.— Да идем мы это тут как-то, Сан Саныч, мимо городского стенда «Не проходите мимо!». И что видим? Среди отвратительных посетителей городского вытрезвителя большинство — люди нашего предприятия!.. Ведь стыдно? Стыдно. На весь город позор!.. А ведь этого можно запросто избежать.

— Как? — Быстрых удивленно округлил глаза.

— Построить вытрезвитель при заводе!.. Мы сможем тогда сами бороться с пьяницами, город никогда не увидит наших пьяниц в лицо, и честь завода будет без этих родимых пятен.

— А что, это мысль. Сам придумал?.. С меня бутылка, Сомов, за идею.

В этот момент на столе Быстрых хрипло заголосило переговорное устройство:

— Сан Саныч, к директору срочно.

Директор стоял в своем кабинете возле окна и смотрел на заводской двор.

По двору как раз в это время проходили элегантный Чибисов и мятый Тихонов. Тихонов вертелся возле Чибисова вьюном и что-то у него выпытывал. Инженер остановился и что-то раздраженно объяснил Тихонову, после чего сам пошел в одну сторону, а Семен сплюнул ему вслед и поплелся в другую.

В кабинет вошел Быстрых.

— Дмитрий Иваныч, вызывали?

— Здравствуй, Александр Александрович,— устало сказал директор,— как у нас с планом, слыхал?

— Зашиваемся, Дмитрий Иваныч.

— Так могу я в такой обстановке в Париж ехать, скажи? Поедешь ты, Александр Александрович. Не один, понятно. С делегацией... Ну, рад?.. Ладно, будем считать, что с тебя бутылка.

Тут Быстрых машинально сунул руку во внутренний карман пиджака и выставил на стол бутылку.

Директор нахмурился.

— Да я... — сразу заюлил Быстрых, — это не мое... Отобрал в цехе.

— Бутылка в цехе? — недоверчиво усмехнулся директор. — Надо безжалостней бороться с этим пороком!

И директор швырнул бутылку в окно своего кабинета.

Как раз в этот миг под окнами директорского кабинета проходил вконец расстроенный Сомов.

Он загибал пальцы на руке, подсчитывая что-то понятное только ему: рубль семьдесят восемь, два двенадцать, три шестьдесят две...

Неожиданно прямо в руки к нему упала сверху бутылка.

— Четыре двенадцать? — сказал Федор сам себе вслух и уронил бутылку на асфальт.

В голове у него помутилось, и он тихо упал рядом.

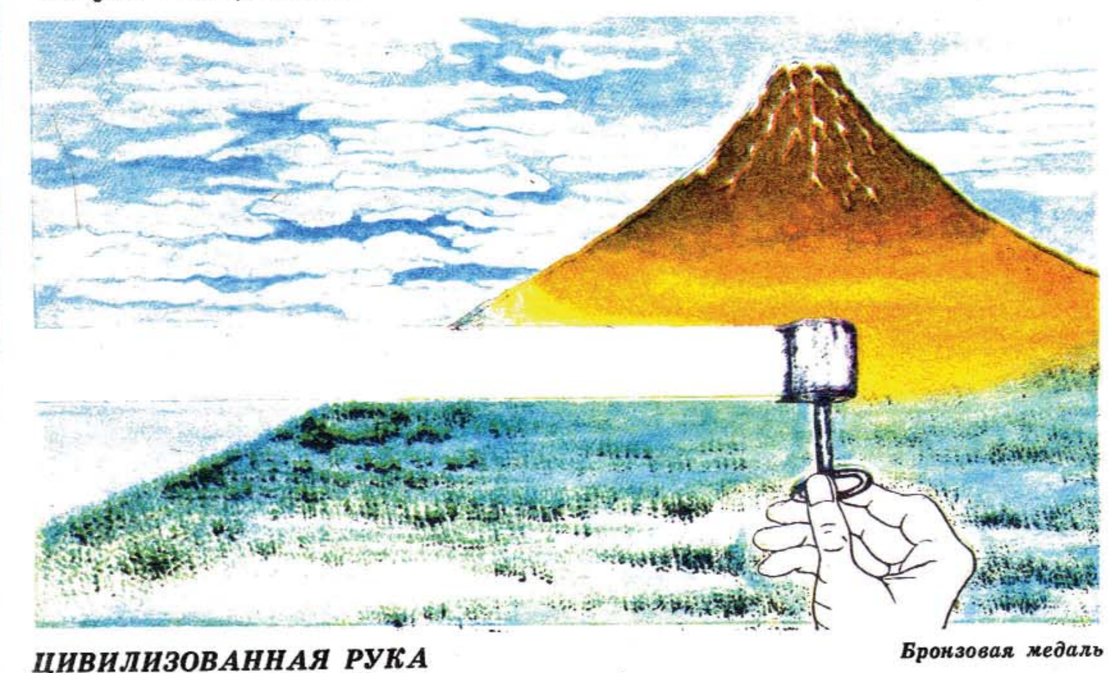

ПОКОНЧИТЬ С ГОНКОЙ ВООРУЖЕНИЙ!

В. БРИСКИН, г. Москва

Бронзовая медаль

Идзуми ТОРУ, Япония

ЦИВИЛИЗОВАННАЯ РУКА

Бронзовая медаль

В нашем цехе

Есть фильмы, которые, как говорят, на все времена, и довоенная аудитория так же смеялась на кинокомедии «Веселые ребята», как смеется в зрительном зале аудитория-77. Счастлив автор, чьи произведения пользуются такой популярностью! Но поэту-сатирику Владимиру Захаровичу Массу, автору сценария знаменитых «Веселых ребят», к этому не привыкать, ибо из-под пера его вышли и «Трембита», и «Белая акация», и «Москва—Черемушки», кстати, написанная вместе с Дмитрием Шостаковичем.

А сколько других фильмов, сколько пьес, сколько песен, сколько стихов! Вот и недавно в издательстве «Советский писатель» вышел новый сборник стихов «Нагая истина», в котором автор обращается к старинным легендам, мифам, помогая читателю взглянуть на них сегодняшними глазами. Вот так, например:

История Земли

Текла Нева,
катила воды Волга,
жуки шныряли в травах и цветах...
Известно, что Земля довольно долго
покоилась на трех больших китах.
Она лежала тихо без движенья,
как блюдо
или как сковорода.
Причем ее такое положенье
у ней не вызывало возраженья
и нас не волновало никогда.
На ней, среди берез и краснотала,
паслись стада баранов, коз, коров...
И лишь потом она вращаться стала,
как некий шар среди других шаров.

Все это объяснила нам наука,
решив попутно ряд других проблем.
С тех пор о трех китах — никто ни звука,
как будто их и не было совсем.

Пан

Признайтесь, кто из вас в былые дни
не восхищался врубелевским Паном!
Пан жил один,
таясь в лесной тени,—
он был веселым, добрым великаном.
Он был в лесу примером доброты,
придумывал смешные развлеченья.
Его любили звери и цветы,
кустарники и прочие растенья.
Сентябрь ли был, июнь или апрель,
он так играл, бывало, на свирели,
что танцевали под его свирель
дубы,
березы,
клены,
сосны,
ели...
И птиц он веселил своей игрой,
божественной, в буквальном смысле слова.
Но до смерти пугал ночной порой
иного пастуха иль зверолова.
И парень,
ошалев,
дрожал в кустах,
он, как гласит народное преданье,
ПАНИЧЕСКИЙ испытывая страх,
сходил с ума
или терял сознанье.
А страх...
Страх вообще большое зло.
Не жаждал добрый Пан ни драк,
ни ссоры,
но от него-то слово «ПАНИКЕРЫ»
у нас когда-то и произошло.
Вот почему,
грозы ли канонада,
иль каракурт забрался к вам в кровать,
иль что-нибудь болит у вас,
не надо
паниковать.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ДЕРЕВНЯ ПРОПАЛА...»

В одноименной заметке, опубликованной в «Крокодиле» № 9 за 1977 год, шла речь о перебоях в электроосвещении деревни Дубровские Хутора, Стародорожского района, Минской области; неоднократные жалобы жителей в Стародорожский линейный участок электросети оставались безответными.

Как сообщил редакции заместитель председателя Минского облисполкома тов. В. Голубев, указанные в заметке факты подтвердились. Ремонт линии электропередачи будет выполнен в ближайшее время.

«ГИМНАСТИКА ЙОГОВ»

От имени учителей средней школы села Игали, Гумбетовского района, Дагестанской АССР, в редакцию обратился секретарь партийной организации тов. К. Исмаилов с жалобой на то, что им выделяют недостаточно дров и угля («Крокодил» № 9).

Секретарь Гумбетовского райкома КПСС тов. Г. Шихмирзаев сообщил редакции, что фельетон обсужден на бюро райкома КПСС, которое поручило райисполкому принять меры к улучшению снабжения школы топливом. Райком будет держать под контролем обеспечение учителей и других специалистов коммунальными услугами.

молодежный маршрут № 12

БЕСЕДКА — ПОДВАЛЬЧИК — КАФЕ «КЛЫКИ ПЕГАСА» — МОРАЛЬНЫЙ ТУПИК — ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ АНТОШИ ЧЕХОНТЕ — КЛУБ «ДО-ДИЕЗ» — ЗАПРАВОЧНАЯ СТАНЦИЯ — ИЗОСТУДИЯ «ПРОБА ФЛОМАСТЕРА» — КОМНАТА ВОДИТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

БЕСЕДКА

Кое-что об аистятах

«— А-а, корреспондент! Знаем мы вас, корреспондентов...»

(Реплика).

Сегодня в Беседке пассажиры «Сатиробуса» встречаются с заслуженным артистом РСФСР Олегом АНОФРИЕВЫМ.

О. АНОФРИЕВ ЗА КОРРЕСПОНДЕНТА. Сначала, конечно, вопрос: «Олег Андреевич, сейчас много говорят и спорят о проблемах молодежи, которые в двух словах можно выразить так: тезис «стриженный-бритый» — антитезис «заросший». Как вы к этому относитесь?» Правильно?

КОРРЕСПОНДЕНТ «САТИРОБУСА» (кивает).

О. АНОФРИЕВ ЗА О. АНОФРИЕВА. Так получилось, что с этим вопросом я столкнулся в самом начале своей творческой биографии. Меня пригласили тогда сниматься в фильме «Секрет красоты». Главным героем фильма, которого я как раз играл, был юный стиляга Эдик. Эдуард. Так почему-то считалось тогда: если пижон, то Вася или Петя никак не годятся. Словом, Эдуард—юноша с модным коком на голове, длинноволосый, в пальто из верблюжьего одеяла, в узких брючках-дудочках и галстуке, на котором зеленеют пальмы. В общем, такой экстравагантный юнец, яркий снаружи и бледный внутри. Вещь довольно банальная. Но и сейчас, мне кажется, дилемма—принять или не принять, одобрить или отвергнуть длинные волосы и вытертые джинсы — в итоге сводится к тому же самому. Если у парня, кроме той, пятисантиметровой, платформы, на которой он стоит, никакой другой нет, то это тот же Эдик. Просто он сменил «дудочки» на клеш. Так что дело не в обличье. Аккуратный, респектабельный тоже может оказаться одуванчиком. Сдунул безупречную одежку, а там ничего и нет!

О. АНОФРИЕВ ЗА КОРРЕСПОНДЕНТА. «Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь интересный случай из вашей молодости». Угадал?

КОРРЕСПОНДЕНТ «САТИРОБУСА» (кивает).

О. АНОФРИЕВ ЗА О. АНОФРИЕВА. Только я прочел повесть Василия Аксенова «Коллеги», как получаю приглашение на кинопробу роли Владьки Карпова. Я сразу догадался, что меня разыграли. У Аксенова о Владьке сказано, что это был смуглый красавец атлетического сложения, от которого все девушки были без ума. Я, честно говоря, красавцем никогда не был, а тем более смуглым. Не довелось мне обладать и скульптурным торсом. А что касается девушек, то они мне нравились гораздо чаще, чем я им. Но я все-таки решил пойти. На всякий случай. Разыскал на Мосфильме группу «Коллеги». Смотрю, сидит на стуле молодой красавец атлетического сложения. Ну точно Владька Карпов! Тут уж я совсем расстроился. И вдруг выясняется, что это режиссер картины Алексей Сахаров. Он мне долго и популярно объяснял, что во Владьке для него главное не фигура, а характер.

О. АНОФРИЕВ ЗА КОРРЕСПОНДЕНТА. «А теперь расскажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете». Да?

КОРРЕСПОНДЕНТ «САТИРОБУСА» (кивает).

О. АНОФРИЕВ ЗА О. АНОФРИЕВА (садится за рояль). Музыка еще вчерне. А стихи вот. Хотите взять?

КОРРЕСПОНДЕНТ «САТИРОБУСА» (кивает).

О. АНОФРИЕВ ЗА О АНОФРИЕВА. Записывайте. Называется «Аистенок» (поет).

На серебряной дорожке,
Той, что выткала луна,
Аистенка-тонконожку
Ночью встретила Волна.
И свалила Аистенка
И сумела доказать,
Что ему на ножке тонкой
Перед ней не устоять.
Ни тягаться с ней,
ни спорить
Аистенок не рискнул.
И какие шутки с морем?
Заметался — утонул.
Велика ль была утрата?
И была ль она одной?
Но летят, летят куда-то
Аистята надо мной!
Позабыто то, что было,
Отшумел девятый вал.
А о том, что в крыльях
сила,
Он тогда еще не знал.

Записали?

КОРРЕСПОНДЕНТ «САТИРОБУСА» (кивает).

О. АНОФРИЕВ ЗА О. АНОФРИЕВА. Послушайте! А что вы все молчите? Какой у вас голос?

КОРРЕСПОНДЕНТ ЗА СЕБЯ. Баритон.

Кивал корреспондент «Сатиробуса»
Дж. БРАТАНОВ.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ПОДВАЛЬЧИК

Котлеты по-донбасски

Спустя час после того, как подали котлеты по-донбасски, ведущая вытерла губы салфеткой и легко взбежала на эстраду.

— Дорогие друзья! — дикторским голосом обратилась она к жующим.— Начинаем литературно-музыкальный молодежный вечер «Калейдоскоп». Сегодня в программе— стихи, танцы, конкурсы, аттракционы. Всех желающих прошу на сцену...

Речь не возымела должного эффекта. На сцену не рвался никто. Только с калейдоскопической быстротой на столиках менялись бутылки с «Портвейном-72».

— Победителей ждут призы! — еще раз попыталась ведущая оторвать посетителей от котлет, салата и вина.— Ну, друзья, ну, дорогие! Хоть кто-нибудь...

Зал по-прежнему отвечал молчанием. Казалось, активность масс уже ничем нельзя было разбудить. Но вдруг в накалившейся атмосфере заскрежетали гитары. Голосом Бубы Касторского из Одессы запел солист ансамбля со странной прической, напоминающей модный «сэссун». Тотчас же из одного конца зала взмыло молодецкое: «Выплывают расписные...» «Сам веселый и хмельной!» — откликались в другом сумеречном углу.

Все и вся ринулись танцевать. Туфли на толстой каучуковой платформе выделывали сложные антифигуры из антигеометрии. Прямо посреди зала своды потрясало новое: «Я играю на гармошке!» Ведущая по-прежнему не унималась:

— Этот игрушечный автомат будет вручен тому, кто сделает десять шагов и при каждом шаге назовет по женскому имени!

— Ира... Марина... Таня...— забубнили участники. Но поскольку ни один из них не держался твердо на ногах, победителем был признан самый устойчивый. На четвертом шагу он уткнулся лбом в стену и ни за что не хотел идти получать приз.

В двенадцатом часу ночи с верхних этажей дома, где располагалось это кафе под названием «Таллин», начали приходить испуганные жильцы. Сумасшедшими глазами они взирали на все происходящее. А в фойе происходила обыкновенная потасовка, и, естественно, дерущиеся стороны неимоверно орали. Но ведь, согласитесь, никто еще не видел, чтобы рукопашная происходила в гробовом молчании! Поэтому жильцы поспешно, без дальнейших вопросов ретировались.

На этом этапе веселье могла остановить только администратор кафе Алла Григорьевна Ярема. Она бесстрашно бросилась к щитку освещения, взялась за рубильник, и зал погрузился во мрак. Возможно, это был и не самый лучший выход из положения, но зато самый действенный. Минут через тридцать, в первом часу ночи, последний посетитель выполз на улицу. Драка продолжалась...

И тут автору этих строк хочется обратить внимание на свою скромную персону. Наслышанный о громкой славе «Таллина», он специально провел здесь несколько вечеров. В первый посетители разбили 30 фужеров и принесли с собой 18 бутылок водки, в следующий—количество бутылок почти удвоилось... После того, как автору едва не поставили фонарь под глазом, он решил обратиться за разъяснениями в Донецкий горком комсомола.

— Комсомольские вечера помогают молодежи города удовлетворять растущие эстетические и духовные запросы,— бодро сказал заведующий орготделом В. В. Калиушко.— В кафе «Таллин» можно поспорить на темы литературы и музыки, послушать классику... Часто на подобных вечерах коллективы предприятий подводят итоги соцсоревнования...

Автор уже открыл рот, чтобы спросить, как же эти итоги подводятся — в танце, в песне или, может быть, в потасовке? Но Калиушко был занят подготовкой очередного вечера, поэтому автору ничего не оставалось, как закрыть рот и откланяться.

А. ВЕТЕРАНОВ.
г. Донецк.

УПЫЛИТЕЛЬ

На днях в одной строительной бригаде
Услышал я грустнейшую из фраз.
Сказал нам бригадир, на нас не глядя:
«Недавно... человек... ушел... от нас...»
Мы долго и сочувственно молчали
Пред чьей-то несвершившейся судьбой,
И старый человек уйдет — печально,
А тут ушел здоровый, молодой...
Орленок, не успевший окрылиться...
Наездник, набирающий разбег...
Тут крикнул я: «Да как могло случиться,
Что парень молодой ушел навек!!
Ведь были же вы близко, были рядом,
И все же не смогли его сберечь!»
А бригадир в меня уперся взглядом
И улыбнулся: «Не об этом речь...
Да кто же вам сказал, что он в том смысле
Ушел от нас!.. Да жив он!.. Жив-здоров...
Ушел он не из жизни, а от жизни,
И сам себя он вырвал из рядов...
Вот в этом смысле он ушел до срока,
Безвременно ушел, в расцвете сил,
Сказать вернее: с Дальнего Востока
Наш парень просто взял и у-пы-лил!
И упылил не просто, не случайно,
А именно и главное — тогда,
Когда бригаде трудно чрезвычайно,
Когда аврал, провал, прорыв, беда...
Где он сейчас! Готовится к подъему,
И, только лишь раздастся где-то клич,
Он сразу поспешит уйти из дома —
Хоть рельсы класть, хоть складывать кирпич...
Он будет с вами песни петь в дороге
Про см-е-е-елый замеча-а-а-тельный
наро-о-о-д...
Но ни одну из песен тех в итоге
Он с вами до конца не допоет!..
На время тут — примкнувший, здесь —
приставший,
Маленечко пристроившийся — там,
Он был и на КамАЗе и на Вахше,
Короче, нынче — здесь, а завтра — БАМ...
А послезавтра — вы уж, как хотите —
Извольте рассчитаться с ним тотчас,
Поскольку Длинноногий Упылитель —
Всегда готов... готов уйти от вас...
Уйдет от вас забытый вами кто-то,
Как говорится, был и вышел весь...
Скажи мне, где и сколько ты работал,
И я тебе отвечу, кто ты есть...»

Андрей ВНУКОВ.

Издательство им. Антоши Чехонте

Возле Издательства имени Антоши Чехонте стоял высокий молодой человек в модной кожаной куртке и энергично «голосовал». Шофер «Сатиробуса» высунулся в окно и начал ругаться: не видишь, мол, что ли — в салоне и так ни местечка!

— Постойте, постойте! — закричали все.— Вы что, не узнаете? Это же молодой сатирик Владимир Свиридов! Только что он стал лауреатом международного конкурса «Алеко», проводимого в Болгарии, на лучший юмористический рассказ!

Шофер нажал на тормоз, открыл двери, и Володя оказался в «Сатиробусе»,

— Свеженький рассказик! — сообщил он.

СВИДАНИЕ

Настроение у меня было отличное. Еще бы, выходной день плюс прекрасная весенняя погода. Что может быть лучше? И, кроме того, меня ожидал романтический разговор с незнакомой девушкой, телефон которой я раздобыл у ее подруги.

И вот, немного волнуясь, я набрал номер телефона и поздоровался.

— Да, это Таня,— подтвердила она,— но, простите, с кем я говорю?

— Меня зовут Борис,— представился я,— а телефон ваш мне дала Галя.

— Ах, да,— вспомнила Таня,— я совсем забыла. Извините, Боря.

— Скажите, Таня,— перешел я в наступление,— а чем вы сегодня занимаетесь?

— Я?! — Она на секунду задумалась.— Пока еще не знаю. А что?

— В таком случае,— сказал я,— у меня есть предложение: пойти подышать свежим воздухом. Погода такая чудесная. Весна!

— Хорошо,— согласилась Таня,— погода действительно замечательная.

— Тогда,— обрадовался я.— давайте где-нибудь встретимся и — вперед, за кислородом.

— А где? — резонно спросила Таня.— И как я вас узнаю?

— Буду ждать у памятника Пушкину,— нашелся я.— В руках у меня будет газета.

— Сейчас все с газетами ходят,— сказала Таня.

— Ну, тогда портфель.

— Тем более,— усмехнулась Таня.

— Хорошо, давайте по одежде попробуем узнать. На мне будет дубленка.

— Странный вы парень Боря,— перебила меня девушка,— я как-то не сомневаюсь, что вы придете не в купальном костюме. Хотя тогда бы я скорее вас узнала — дубленка теперь на каждом третьем. Ясно?

Мне стало почему-то грустно-грустно. Это ж надо — два человека встретиться не могут. Хотят, но не могут.

И тут-то наконец мне в голову пришла спасительная идея.

— Танечка! — радостно завопил я.— Придумал! Ура! Мы с вами встречаемся в кинотеатре «Астра».

— А что там идет? —вяло спросила Таня, очевидно, как и я, потеряв всякую надежду на встречу.

— Фильм называется «Конец света»,— ответил я.

— Но ведь в кино уйма народу,— ужаснулась Таня,— и мы в жизни не найдем друг друга.

— Уверяю вас, мы будем совсем одни,— твердо заверил я.

— А вы откуда знаете?—недоверчиво спросила Таня.

— Дело в том,— с грустью ответил я,— что режиссер фильма «Конец света» ваш покорный слуга. Да, да, Танечка, именно я!

В. СВИРИДОВ.

УТРО МОЛОДОЖЕНОВ

— Мамочка, Дима завтракать просит что делать?!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА.

«Пой песню, пой!»

Полгода усталый почтальон приносил в «Сатиробус» ворохи нот и веселых стихов, а также бандероли с магнитофонными записями.

Полгода редакционное пианино не закрывалось ни на один день, и вместе с песнями слышались возгласы: «Это гениально!», «Нет, это никуда не годится!»

Полгода длился Всесоюзный конкурс «Сатиробуса» на лучшую шуточную молодежную песню.

И вот итог.

Итог — это более 500 писем. И в каждом письме улыбка. Более 500 улыбок — разве это не прекрасно?

И в каждом письме желание занять первое место, победив честно и благородно. Более 500 желаний быть лучшими — разве это не замечательно?

И наше Авторитетное Жюри под председательством Н. В. Богословского очень хотело бы раздать всем этим корреспондентам призы и премии. Но у жюри не было такой возможности. Поэтому, подавив в себе чрезмерную сентиментальность, оно принялось за работу. С болью в сердце были отклонены стихи, присланные на конкурс без музыки, и музыка, записанная строчкой, а не в клавире (что оговаривалось в условии), а также шуточные, но не молодежные песни, или молодежные, но не шуточные. Таким образом, из более чем пятисот произведений было отобрано всего лишь одиннадцать.

Одиннадцать песен жюри передало вокально-инструментальному ансамблю «Крокодила» и его солистам — Галине Орловой и Николаю Лёзину. А в один из солнечных весенних дней ансамбль проиграл и спел эти песни перед солидной аудиторией, состоящей из музыкантов, сотрудников столичных газет, журналов, радио и телевидения, авторов «Крокодила», их родственников и знакомых.

Потом Авторитетное Жюри удалилось на совещание и после непродолжительных споров определило лауреатов конкурса. Первое место решили оставить вакантным, чтобы участникам грядущих крокодильских песенных конкурсов было к чему стремиться. А два вторых, два третьих и пять просто почетных мест распределились между некоторыми финальными песнями.

Затем были вскрыты конверты, где содержались расшифровки девизов авторов-победителей. И теперь мы можем назвать их имена.

ДВА ВТОРЫХ МЕСТА заняли:

Г. Долотказин, г. Москва, и Б. Ларин, г. Казань,—песня «Дорогая редакция»;

О. Хромушин, г. Ленинград, О. Левицкий и А. Братов, г. Москва,—«Олимпийская игра».

ДВА ТРЕТЬИХ МЕСТА получили:

Г. Сорочан, В. Константинов и Б. Рацер, г. Ленинград,— песня «Гений чистой красоты»;

Э. Ханок и И. Шаферан, г. Москва,— «То ли еще будет!»

А просто на ПОЧЕТНЫХ МЕСТАХ находятся:

И. Баранов, г. Кострома, и Ю. Цейтлин, г. Москва,— «Три зеленых рюкзака»;

В. Путилова, г. Щелково, Московской области, и Ю. Благов, г. Москва,— «Песенка холостяка»;

И. Розенштейн, г. Горький, и М. Кравчук— «Папа тоже ученик»;

Л. Резников, г. Тольятти,— «Пусть смеются люди!»;

Л. Печников и А. Иванушкин, г. Москва,— «Любовь, Аэрофлот и железная дорога».

Как и было обещано, лауреаты получат памятные медали «Крокодила», а песни, которые заняли 2-е и 3-и места, запишутся на пластинку фирмы «Мелодия», прозвучат по радио и по телевидению.

«Сатиробус» от всего сердца поздравляет победителей и желает им новых замечательных успехов на благородном поприще сочинения шуточных молодежных песен. Кроме того, «Сатиробус» искренне благодарит всех остальных участников конкурса за участие и выражает надежду, что в будущем им больше повезет. Тем более что Крокодил, учитывая пожелания многих читателей, решает впредь организовывать подобные творческие юмористические соревнования постоянно. Вострите перья, друзья!

Слова Б. ЛАРИНА

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ

Музыка Г. ДОЛОТКАЗИНА

Сразу трое хороших ребят
Мне в любви объяснились подряд,
И тогда, ничего не тая,
Написала в редакцию я:
«Что мне делать в такой ситуации?
Ошибиться могу невзначай.
Ах, моя дорогая редакция!
Подскажи, объясни, выручай!»
Три недели, забросив дела,
Я ответа по почте ждала.
На четвертой нежданной бедой
Прикатил журналист молодой.
Не пойму, как могла растеряться я.
Что со мною, не знаю сама...
Ах, моя дорогая редакция!
Лучше б я не писала письма!
Молодой журналист при луне
Про Джульетту рассказывал мне,
А под утро затронул всерьез
Про Наташу Ростову вопрос.
Мы сидели всю ночь под акацией,
Он уехал на поезде в семь...
Ах, моя дорогая редакция!
Ты пришли мне его насовсем!

За каждой строкой этого письма в редакцию угадывалась снисходительная улыбка уверенного в своей правоте человека. Полного сил и жизненной энергии. Мускулистого. Хваткого и ловкого. Твердо ставшего на ноги и обретшего свое счастье.

И это было действительно так, хотя автор письма Коля Ш., восемнадцати лет от роду, твердо стоял на зыбкой почве, а то, что называл он счастьем, имело совсем другое название.

Моральный тупик

Но это знал только я. Он об этом даже не догадывался. Более того, он поучал меня и разносил по косточкам один из моих фельетонов, в котором я бичевал легкую жизнь.

Должен сказать, что писем от незрелых читателей почта, увы, приносит еще немало, и письма эти в основном такие наивные, что за пять минут в редакционном ответе находятся слова, разящие нелепые аргументы с уверенностью козырного туза.

Случай с Колиным письмом был сложнее, и я сразу это понял. Суть многословного и эмоционального письма, которое едва уместилось в школьную тетрадку, в моем совершенно объективном кратком переложении состояла в следующем.

«Вот вы пишете насчет легкомысленных браков,— свысока обращался ко мне юный читатель,— насчет того, что надо там учиться, становиться на ноги, что диплом делает человека самостоятельным, дает путевку в жизнь, и разные там другие красивости. Но подумали ли вы хоть раз в своей умной рассудительной жизни, что нам, молодым, ни к чему ваши нудные нравоучения, что мы просто хотим красиво жить, одеваться и все такое. Прошло то время, когда молодежь ради разных там наук пила пустой чай и ела черный хлеб, я это по кино знаю, видел неоднократно. Может, наши деды и делали так, но потому, что жизнь тогда была тяжелой, никакого сервиса, жили в коммуналках, что такое такси и телевизор, не слышали. Да что там говорить, вы и без меня об этом знаете! Я хочу откровенно вам сказать, почему мне диплом не нужен. Ни мне, ни моей жене Клавдии, которой, как и мне, восемнадцать. Школу я, конечно, закончил. Понимаю, школа нужна, чтобы уметь грамотно писать и разговаривать, без чего немыслима нынешняя культурная и цивилизованная жизнь. Считаю, что этого вполне достаточно для дальнейшей самостоятельной жизни, которую мы должны строить сами. Лично я работаю шофером на «Волге» и подхалтуриваю — по червонцу в день заколачиваю. Вы поняли? А был бы я инженером с дипломом — что бы я имел? Купили бы мы с Клавдией столовый гарнитур и цветной телик? Завели бы в сберкассе счетик? Кстати, Клавдия в столовой работает, все чин чинарем, не ворует, но продукты мы не покупаем. Думаете, Клавдии моей муж с дипломом нужен? Чего ей с таким делать — на морозе гулять? Эскимо кушать? А я за ней на машине заезжаю, домой в комфорте едет, в ресторане с ней ужинаем, подарки дорогие дарю. Мне никакой инженер не конкурент!»

Ошибок в письме не было, мысли были изложены гладко, сочно и даже образно. Неглупый парень, подумал я, сразу видно. И, главное, очень убедительно все и проникновенно написал. Я сразу же представил своего соседа, студента третьего курса Костика, свободно читающего толстые книги, испещренные математическими формулами, и коротающего вечера с любимой девушкой у окошка, возле лифта. Что и говорить, Клавдию он бы не отбил, это точно. Да и что он мог ей предложить взамен привычного комфорта в машине, обыденного ресторана и банальных дорогих подарков? Читать на ухо стихи в переполненном автобусе? Гулять, приплясывая от холода, по скованной морозом Театральной площади? Любоваться видом Рязанского кремля, купола и шпиль которого так четко прорисовываются в прозрачном вечернем небе? Или наблюдать с высокого мыса, как сливаются реки Трубеж и Лебедь? Впрочем, успокоил я себя, Костик не стал бы отбивать Клавдию уж только по той причине, что она никогда бы ему не понравилась (так мне хотелось верить!). Я еще раз представил Костика, зычным голосом заказывающего в ресторане две порции рыбного салата «Ассорти» и бутылочку «родимой», и мне стало даже смешно.

Несколько раз я брался за перо и начинал писать письмо в Рязань. Где-то я даже пытался оправдаться и доказать Николаю, что никогда не читал нравоучений, что столовый гарнитур и сберегательная книжка — не главное, что не учиться — значит жить растительной жизнью, значит, быть слепым в царстве зрячих, ибо все вокруг будет покрыто мраком неизвестности. Что радость по поводу лишнего червонца — это не радость, а жадность, моральное обнищание, если впереди только маячит страсть к накоплению этих самых червонцев...

Я размышлял о том, что да, прошли те годы, когда молодые люди жили в холодных общежитиях, голодали, но зубрили науки, что сейчас другое время и для учебы открыты широкие пути и совсем не надо голодать, что сервис — это тоже необходимо, как хлеб, и что он облегчает жизнь, что когда встаешь на путь обмана и говоришь в гараже, что «барахлил» мотор, а сам «зашибал» деньгу,— это отвратительно, ибо обманываешь товарищей, государство, которое доверило тебе машину, что возить по городу заблудшую пьяненькую парочку, угождая ее жалким требованиям,— это значит превратиться в лакея, которому приятно даже тогда, когда его дергают за нос, лишь бы деньги за это платили, что даже если Клавдия «не ворует», продукты сами собой не появляются, и мириться с тем, что они волшебным образом возникают на столе — это значит предавать свою совесть, а когда она совсем исчезнет, то...

Я положил перо и задумался. Письмо показалось мне сумбурным и наполненным прописными истинами. Ну, прочтет он эти слова, которые привык читать в фельетонах и в которые приучил себя не вдумываться, и еще больше утвердится в своей правоте.

А что если съездить в Рязань, благо сообщение теперь прекрасное и добраться в соседнюю область — это всего лишь отдохнуть от воскресной суеты в просторном вагоне электрички?

Отправителя письма я застал в большой неуютной комнате, забитой мебельным гарнитуром, очень дорогим и состоящим из такого множества разнообразных предметов, что все вокруг напоминало филиал мебельного магазина.

Я ожидал увидеть самовлюбленного, уверенного в своем могуществе и правоте вальяжного молодого человека, а на пороге стоял перепуганный худосочный малец в широкой, не по размеру замшевой куртке. Он затравленно смотрел на меня покрасневшими глазами, и я заметил, что руки у него дрожат.

— Ах, вы насчет моего письма...— сказал он, как мне показалось, с облегчением.— Тогда садитесь, пожалуйста.

Он подкатил ко мне кресло, напоминающее миниатюрный вертолет, и я едва не утонул в нем.

— Мне просто захотелось на тебя посмотреть,— сказал я.— И, может быть, поспорить.

— А чего спорить...— вяло пожал плечами Николай.— Это все в прошлом. Сейчас мне спорить ни к чему.

— Это почему же? — удивился я, так как ожидал услышать в ответ иронические слова, приправленные циничной улыбкой, на что у меня был заранее заготовленный убийственный монолог.

— Да что тут темнить, все равно вы узнаете, раз приехали. Погорел я. Застукали, что халтурю, вышибли с треском. Машину запорол, так что все сбережения — тю-тю! Вот и гарнитур в погашение долгов, так сказать, и все остальное.

— А Клавдия?

— Бросила. Ушла к родителям.

— А куда ты теперь?

— Разнорабочим — куда еще? Как говорится, начну жизнь с начала...

Картина была ясна. Я попрощался с погорельцем и вышел.

А. ХОДАНОВ.

Рисунок В. ЕЛИСТРАТОВА.

Отвечают школьники

Чацкий неопровержимо доказал, что с умом тяжелее, чем без ума!

Прислал С. Оноприенко, г. Полтава.

Собакевич был обжором: он поедал баранов и свиней.

Прислала Л. Гольдштейн, г. Таганрог.

Общее между Базаровым и Павлом Петровичем Кирсановым то, что они оба любят Фенечку.

Прислала А. Груздева, г. Брянск.

В отличие от своих сверстников ученик 2 класса «Б» 39 средней школы Москвы Алеша Леонович не доставляет маме хлопот. Он не бьет футбольным мячом стекол соседей и не гоняет в хоккей на проезжей части улицы. Алеша тихо сидит дома и лепит фигурки из пластилина.

За этим занятием его как-то случайно и застал сотрудник «Сатиробуса». Внимание корреспондента привлек Голый Король, которого мы и представляем на суд читателей.

КАК-ТО ВЕЧЕРОМ,

в перерыве между очередными маршрутами, водители «Сатиробуса», то бишь молодые сатирики и юмористы «Крокодила», собрались все вместе, чтобы культурно и с пользой провести свой досуг. На встречу, которая проходила в редакции журнала, пришел старейший крокодилец И. П. Абрамский. С теплотой и остроумием рассказал он о первых авторах «Крокодила», о том, чем они жили и как писали. Затем началась художественная часть программы. Молодая крокодильская поросль внимательно выслушала лирические и шуточные песни московского художника Е. Бачурина и с удовольствием посмеялась над монологами М. Жванецкого. Особенно приятно было то, что песни и монологи прозвучали в исполнении авторов. В заключение состоялся праздничный ужин — по месту жительства каждого из участников вечера.

Анатолий НАУМОВ

Рассказ

Этот странный Федулыч

Казалось, еще вчера росла на окраине нашего города березовая роща, а сегодня на ее месте стоит завод по выпуску шестеренок.

Но дело, конечно, не столько в том стремительном превращении, сколько в том, что заместитель директора завода по общим вопросам оказался ярым сторонником индустриального пейзажа. Рощу-то могли наполовину сберечь, но по его настоянию подчистую срубили, а все вокруг в сплошной асфальт нарядили, модерновых ансамблей из гранита и нержавейки на темы прогресса в науке и технике понаставили. Ни травиночки, ни былиночки нигде.

А вскоре перед заводской проходной удивительная аллея появилась. Даже, можно сказать, уникальная. Из железных цветков.

— Возьмите картины Левитана,— сказал заместитель директора.— Что там в основном нарисовано? Пейзажи. Казалось, чего проще: выйди за околицу и смотри хоть сутки напролет на нечто подобное. Так нет же, народ специально в Москву едет, в Третьяковскую галерею, взглянуть на них. Деньги платит за вход, репродукции на память покупает. А почему? Да потому, что художественная картина — это произведение искусства, а оно выше живой природы, ярче и и глубже по философскому накалу. Вот так и у нас будет — не просто аллея из простых деревьев, которые, как известно, зеленеют сезонно, а глубокой осенью и зимой не представляют никакой эстетической ценности, а аллея из металлических цветков, которые мы создадим на наших станках с программным управлением. И будут возле нашей проходной в любое время года радовать глаз художественные произведения, которые по части красоты левитанским пейзажам не уступят!

И пошло-поехало! Целый квартал весь завод жил этим событием. Лучшие токари, строгальщики и фрезеровщики были мобилизованы на создание необыкновенных цветков. Зато не аллея — шедевр получился. И стебель самый натуральный с виду, и цветок — будто пять минут тому назад расцвел! Да еще с лепестками в виде шестеренки!

Словом, настолько искусно заводскими умельцами были сделаны эти металлические цветки, что все принимали их за живые и норовили обязательно понюхать.

Вот и Федулыч, ночной сторож при заводоуправлении, тоже во время обходов никогда не упускал случая потянуться к цветкам своим носом. Странный он человек, этот Федулыч. До пенсии работал всю жизнь слесарем при домоуправлениях, но спиртного капли в рот не брал, а все свободное время занимался озеленением. Собственными руками полгорода розами украсил.

Так вот, значит, Федулыч этот донюхался до того, что стал поливать железные цветы по утрам. Народ посмеивается — чудак, мол! — а он знай себе из шланга на шестеренки хлюпает. Ему разъясняют бессмысленность его занятия, к разуму взывают — без толку.

— Не могу иначе! — отвечает Федулыч.— И понимаю головой, что не то действие произвожу, а сердцевина свое диктует...

И что ж вы думаете, дополивался до того, что просто чудо свершилось! Получилось так, что вроде цветки железные не устояли перед упорством старика. Стебли-то по весне ростки пустили! Сенсация!

Да только для Федулыча обернулось это не совсем приятным образом. Посмотрел на ростки заместитель директора, потрогал, чтобы удостовериться, не мистика ли — и тут же разоблачил нематериалистические истолкования диковинного явления.

— Никакого чуда нет и в помине! — заявил он.— Все проще пареной репы. Вместе с водой из шланга попадали на цветки и семена растений с частицами грунта, набились постепенно в щели и зазубрины, вот и пустили ростки. Засорил, можно сказать, старик произведение искусства. Жаль, что я об этом раньше не знал! Немедленно прекратить дальнейший полив во избежание коррозии! А по административной линии мы еще разберемся!

Но тут вмешалось заводское общество охраны природы и выступило против распоряжения срезать ростки. Оно давно за живую природу ратовало.

Однако ростки решено было все-таки срезать и полив прекратить, потому что, если разобраться, к чему портить коррозией замечательное изделие заводских умельцев? А вот рядом с этими творениями из металла посадить тополя да березки, чтобы уравновесить экологический баланс.

А Федулыча, естественно, в обиду не дали. Наоборот, он стал у нас прямо-таки знаменитостью. Аж помолодел упрямый старик! Знай поливает поутру тополя да березки, которые лопочут на ветру своими листьями...

г. Донецк.

Владимир КОМОВ

Рассказ

Многоступенчатая резолюция

Начальник строительного управления Кружавный взял у заведующей детским садом письмо и минут десять читал его. Затем цепко посмотрел на посетительницу и вновь стал водить глазами по строчкам, словно «нащупывая» их второй смысл, их двойное дно.

«И чего это он так долго? — подумала заведующая.— В письме только одна фраза. Даже по слогам за полминуты осилишь. И смотрит на меня, как на гостя с другой планеты. Мы же с ним десятки раз виделись на совещаниях, да и детских садов в нашем райцентре — всего три».

Кружавный вздохнул, поерзал в кресле и тихо спросил:

— Почему дата месячной давности?

— Не могла к вам попасть — секретарша твердо говорила, что вы заняты.

— А почему вы расписались синими чернилами, а профсоюзный руководитель — черными?

— Ручка у нее заправлена такими...

— Советовались в роно, райздраве и других инстанциях?

— Конечно.

После диалога начальник, сморщившись и сопнувшись, словно его радикулит вдруг настиг, стал писать резолюцию.

«Имеется мнение и учитывая данную просьбу, при наличии условий и отсутствии возражений...— Кружавный отложил в сторону ручку, задумался, потом продолжил: ...и учитывая наличие возможностей, а также принимая во внимание...»

Хозяин кабинета поднялся, подошел к окну, затем резко повернулся к столику с графином, отпил из стакана глоток воды и решительно сел за стол.

«...что в дошкольном учреждении-просителе находятся на довольствии отдельные дети некоторой части персонала стройуправления, считаю возможным...» — И тут же ручка замерла в руке, будто нацеленной в ближнюю мишень. Кружавный втянул воздух с такой силой, что даже раздался жалостливый стон, и только тогда дописал:

«... выделить одного слесаря и одного разнорабочего для монтажа детской карусели во дворе детсада, числящегося на районном балансе и имеющего зарегистрированный штат».

Кружавный снова прошелся по кабинету, бросил пристальный взор на телефонный аппарат и наконец учинил подпись. Потом после затяжной паузы молча протянул заведующей бумагу.

— Спасибо,— произнесла она, мельком взглянув на многоступенчатую резолюцию, втрое превосходящую текст письма, тут же запрятала его в портфель и быстро, даже несолидно вышла из кабинета: «А вдруг передумает?..»

А Кружавный долго мучился. Ну как же он не устоял! Уступил, смалодушничал! Ведь он давно решил для себя: лучше отказать, а там видно будет. И ответственности вроде никакой, и на душе спокойней. А то кто его знает... Так, вообще, на всякий случай...

г. Воронеж.

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

МЕЦЕНАТЫ В АУТЕ

Я помню, в конце войны в наш батальон аэродромного обслуживания был назначен новый командир.

Вначале мы, его подчиненные, приглядывались: какие он проявит военные доблести. Велико было наше изумление, когда он с места в карьер начал формировать духовой оркестр. Удивились мы потому, что до этого ни у нас, ни у соседей ничего подобного не было. И стали думать: хорошо это или плохо? Выходило вроде бы хорошо.

Комбат развил кипучую деятельность. Отрядил специальных гонцов за трофейными инструментами и с большими хитростями обменял двух хороших пиротехников на тромбониста и барабанщика.

Оркестр заиграл. И даже начальство, озадаченное бравой музыкой, изволило комбата похвалить.

Но в батальоне уже видели, что все это не хорошо, а плохо. Музыканты оказались в положении любимчиков, в наряды не ходили, питались в офицерской столовой, жили, где хотели, и добром это кончиться не могло. Так потом и вышло. И через каких-нибудь полгода тромбонисты как-то незаметно вновь были обменены на пиротехников.

Я эту историю вспомнил потому, что прошло больше тридцати лет, а меценаты все процветают. То они возьмутся опекать оперу, и начинается сооружение дорогостоящего театра, то нянчатся до умопомрачения с местной командой футболистов. А в городе Н. меценаты оказали покровительство волейболу и решили сделать команду лучшей в Союзе.

Но спорт прекрасен тем, что подразумевает честную борьбу. Когда же в дело вмешиваются меценаты, то приходится выигрывать наверняка. Поэтому в ход идут всякие противозаконные методы.

И вот в городе Н. все лето шел судебный процесс. 79 томов уголовного дела. Виновные наказаны.

Сейчас в городе Н. все расставлено по своим местам. Именно поэтому мы изменили фамилии. Но о самом деле интересно рассказать. Хотя бы в порядке профилактики.

Так вот. На одном из крупных заводов этого города имелась перспективная команда, которой, чтобы выйти в высшую лигу, не хватало буквально ерунды: хорошего руководства.

Потому в сжатые сроки были найдены весьма деловой тренер и начальник команды. Величали их, скажем, первого — Елкин, а второго — Палкин. И они тут же сказали примерно так:

— Если вы хотите от нас подвига (занять призовое место во всесоюзных соревнованиях), мы это дело организовать можем. Но за это нам придется платить повышенную зарплату.

Вскоре фамилии Елкина и Палкина замелькали в различных ведомостях на зарплату. Если в одном цехе Елкин получал зарплату как токарь, а Палкин — как фрезеровщик, то во втором наоборот: Палкин уже фигурировал как инструктор-сантехник, а Елкин — как лектор, зачисленный на полставки.

Нельзя сказать, чтобы подобные комбинации осуществлялись легко. Артачились несознательные хозяйственники. Спорт, конечно, важен, но план еще важнее. Поэтому на различных заседаниях все чаще раздавались укоризненные голоса меценатов:

— Что ты за руководитель завода! Ворочаешь капиталами, а не можешь для спорта найти какую-то тыщу рублей. Спорт помогает бороться с преступностью!

Почему с преступлениями нужно было бороться преступным путем — об этом в ту пору вопроса както не возникало. И необходимые деньги находились.

Таких тыщ требовалось порядочное количество. Потому что, помимо Елкина и Палкина, в команде были еще и игроки. Они тоже только числились в ведомостях на зарплату, а рабочее время проводили на площадке. Полученные деньги сдавались Елкину и Палкину. Так был создан «фонд команды», который иногда достигал ста тысяч рублей. А из этого фонда уже выплачивалась «зарплата» игрокам, согласно их спортивным достижениям.

Меценаты — они своих рук об этот фонд не пачкали. Им распоряжались единолично тренер и начальник команды. И, надо сказать, что при всей возможности совершить... ну, в некотором роде, что ли, ампоше, они этой возможностью не пользовались. Но тем не менее в обвинительном заключении было указано, что за время своей деятельности Елкин и Палкин похитили и присвоили около сорока тысяч рублей.

Дело в том, что умышленное незаконное получение должностным лицом государственных или общественных средств путем злоупотребления служебным положением квалифицируется по закону как хищение.

Ну хорошо, мы выяснили, что из этого фонда платили игрокам. А еще для чего команде требовались такие громадные суммы?

Так вот, этот фонд имел и другое назначение: для подкупа судей, для взяток тренерам других команд, для переманивания к себе перспективных игроков. Это все доказано судом.

Но вернемся к нашему сюжету. Получив указание от меценатов занять призовое место, Елкин и Палкин попали в довольно затруднительное положение. Как вы понимаете, занять призовое место в честной борьбе — это и хлопотно и не очень-то надежно. Это в какой-то степени похоже на стояние в очереди: то ли достанется, то ли нет. Но в торговле изобретен способ сделать, чтобы всегда досталось. Для этого надо дать чаевые. Такой же способ применяется и в спорте. Совершенно разные, как говорится, сферы, а сколько общего!

Ну, мы не будем уточнять, сколько нужно «сунуть». Потому что дело это сугубо деликатное, основанное на обоюдном доверии, и вытаскивать этот вопрос на всеобщее обозрение было бы бестактно. Скажем лишь, что, когда начался последний круг волейбольных соревнований, Елкин и Палкин нашли двух сговорчивых тренеров из других команд, которые согласились помогать (назовем это так) команде города Н. Впрочем, почему бы и не уточнить, в чем заключалась помощь? Ну, например, в спорных вопросах они должны были энергично поддерживать эту команду. (Ведь совсем по-разному звучит мнение заинтересованного тренера и нейтрального.) Потом «сговорчивые» тренеры обещали оказывать посильное давление на судей, а в случае острой надобности и проиграть команде города Н.

Ну, совершенно ясно, что это делалось не безвозмездно. Были установлены расценки на золотые, серебряные и бронзовые медали. А вскоре энскую команду удалось вытащить на второе место.

Здесь я хочу подчеркнуть высокое чувство коллективизма, присущее работникам этого завода. Часть денег Елкин отдал «помогавшим» тренерам из пресловутого «фонда», а за остальными деньгами обратился в заводской комитет. То есть куда следует обращаться в трудную минуту жизни.

Председатель завкома вызвал к себе восемь подчиненных ему по службе председателей цеховых комитетов и предложил им подобрать рабочих, которым можно было бы оказать материальную помощь в размере примерно от 30 до 60 рублей. Но, разумеется, таких рабочих, у которых развито чувство «местного патриотизма» и которые без шума вернут часть денег, требующихся для уплаты взятки. Так и было сделано.

В 79 томах немало подобных эпизодов.

Таким манером добывалась победа, ковались медали. И уже нашлись малодушные люди, которые решили, что взятки и есть самый простой и естественный путь к высоким результатам. В этом плане суд сильно охладил разгоряченных деятелей, находящихся при спорте.

А мы решили рассказать об этом более широкому кругу меценатов. Не тем, кто оказался в ауте, а тем, кто еще находится в игре. Без каких-либо намеков, а просто для повышения общего уровня их интеллигентности. Между нами, конечно.

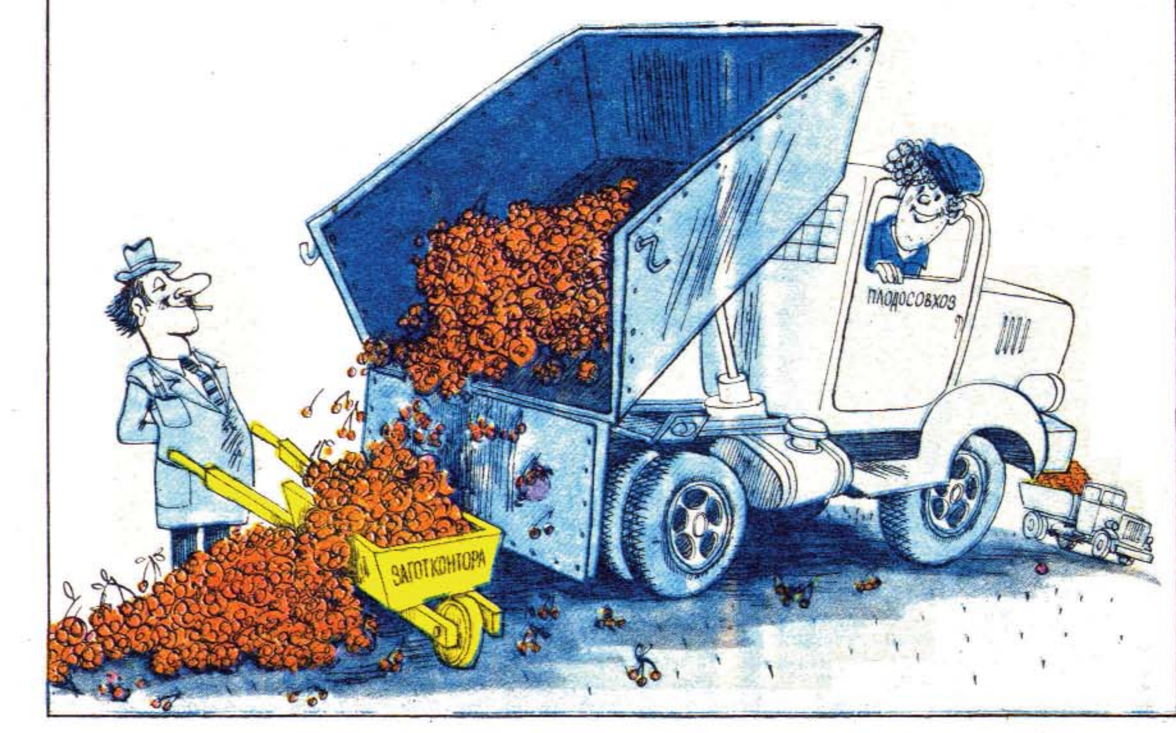
Дм. ДЕМИН

На злобу дня

На тропинке стоя, Пень
Возмущается весь день:
— Ну и люди, ей же богу!
Спотыкаются,
а дня
Обойтись никак не могут
Без меня.

Егор с помидорами

У экономного Егора
Подпортились
три свежих помидора.
«Возьму-ка,— думает,— да съем,
Чтобы не выкинуть совсем».
Съел. Сыт. Назавтра у Егора
Подпортились
три новых помидора.
Их тоже съел.
И день за днем
Так и питался он гнильем.
Все помидоры съел
(а было их немало),
Но свежего
и на́ зуб не попало.

ПЕРЕВАЛОЧНЫЙ ПУНКТ — *Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА*

Зарубежный фельетон

Ф. БРЕННЕР (ГДР)

Красный кит

Депутат австралийского парламента Джон Бирней места себе не находил, движимый жаждой прославиться. Он догадывался, что для этого лучше всего гаркнуть нечто о «русской угрозе». Но повод, черт возьми, где повод? И он его нашел! Однажды, вооружившись сильным полевым биноклем, Бирней прочесывал гладь океана и обнаружил советский теплоход «Федор Шаляпин», а рядом с судном что-то большое и сигарообразное. Оно то горбилось над океанской поверхностью, то бултыхалось вглубь. «Эврика! — возликовал Бирней.— Советская субмарина у нашего побережья!!»

И в парламенте зазвучала его вдохновенная, пламенная речь. Это была подлинная сенсация. Советская подлодка в австралийских водах! Необходимы срочные меры!

Меры так меры. Парламент увеличил военный бюджет 1976—1977 годов на 18 процентов, то есть на 2,178 млрд. долларов, и решил ассигновать дополнительно 12 млрд. долларов на последующие пять лет для увеличения и модернизации австралийской армии. И мистер Бирней испытывал почти творческое удовлетворение от сознания того, что и он посильно подтолкнул маховик гонки вооружений.

А потом вдруг обнаружилось, что сигарообразная громадина, так напугавшая мистера Бирнея, была не что иное, как самый безобидный кит, то и дело выныривавший вблизи советского теплохода к радости многочисленных туристов.

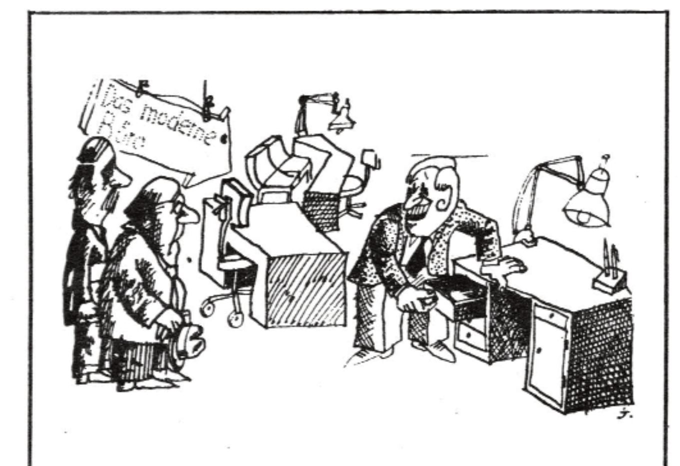
— Ну и что? — заметил по этому поводу находчивый Бирней.— Это еще ничего не доказывает. Если Пентагон дрессирует дельфинов в военных целях, то русские вполне могли натаскать кита для разведки наших военных тайн!

Таким образом, мистер Джон Бирней осчастливил человечество грандиозным открытием: среди синих китов в последнее время появились красные!

Спящие избранники

Шестнадцатилетняя английская школьница Сайн Гриффитс в письме в газету «Дейли экспресс» пишет: «Я пошла в парламент: хотела сама убедиться, что рассказы о спящих парламентариях—сплошные басни. Но все оказалось правдой. Один из членов парламента крепко спал в своем кресле, а в соседнем ряду клевал носом другой. В зале царила всеобщая летаргия. И это люди, которые говорят нам, что мы должны проявлять больше энтузиазма и упорно работать. Что они сказали бы, если бы увидели меня спящей за партой?»

Парламенты делают выводы из подобной критики. В Бонне, например, к депутатам обратились с таким призывом: «Не дремать хотя бы тогда, когда в ложе прессы появляются работники телевидения со своими камерами».

— Наша новая конторская мебель оборудована по последнему слову техники — подслушивающие устройства встроены заранее.

(«Пардон», ФРГ).

Как трудно быть фининспектором

— Гав-гав! — сказала Эльфрида Карлсон, стоя под дверью.

— Гав-гав! — радостно ответили из-за двери.

После этого Карлсон нажала кнопку звонка.

Взаимное гавканье не было паролем и отзывом заговорщиков. Шведский фининспектор Эльфрида Карлсон изучила 20 видов собачьего лая, чтобы разоблачать владельцев собак, скрывающих своих четвероногих питомцев. Как только нелегальный пес выдает себя, Карлсон входит в дом и вручает владельцу повестку об уплате налога.

Зато французские фининспекторы сами готовы обзавестись собаками, причем злющими и огромными. Дело в том, что за короткое время десятки сборщиков налогов были не только облаяны злостными неплательщиками налогов, но жестоко биты, а один даже убит. Семьдесят пять тысяч сборщиков подали петицию правительству с требованием принять меры для их защиты, угрожая, что в противном случае они откажутся от своей работы.

Огнестрельная муза

Когда-то вдохновительницей пишущей братии считалась муза — летающая босая дама в полупрозрачных одеждах, с распущенными волосьями и лирой в руках. У многих нынешних американских литераторов совсем иные источники вдохновения. На снимке: американский писатель Гарри Паттерсон позирует фотографу с двустволкой в руках и с набором пистолетов на рабочем столе — этими изрыгающими свинец и пламя «музами» литературы насилия.

Вторсырье генерала Клоза

— Что значит «нет»? Я не желаю слышать это слово в своей редакции! — бушевал мистер Фэткет, издатель газеты «Трус геральд», то бишь «Трубадур истины». — Ни дня без антисоветской строчки, — вот мой девиз! Зарубите это, Страйк, себе на носу, на лбу или на любой другой части вашего тела.

— Согласен с вами, шеф, но все, что мы могли написать о «советской угрозе», мы уже написали по шесть раз,— возражал военный обозреватель мистер Страйк.

— Пишите в седьмой! Используйте сырье вторично. И в выработанных шахтах можно найти алмазы. Шире используйте книгу бельгийского генерала Робера Клоза «Защищена ли Европа?».

— О сэр, его предсказание, что русские войска через сорок восемь часов выйдут на Рейн, я, по-моему, использовал чаще, чем свою зубную щетку.

— В том-то и беда, что все вы вцепились в одну эту фразу, а ведь у генерала Клоза россыпи ценнейших открытий.

Мистер Фэткет достал любимую книгу, раскрыл ее на первой попавшейся странице и принялся читать с пафосом провинциального трагика:

— «Советские транспортные самолеты пересекают Эльбу и сбрасывают десант парашютистов-истребителей... Десантники приземляются, захватывают никем не охраняемые мосты и радарные установки».

— Извините, сэр, что значит «никем не охраняемые»? Есть же часовые, есть сторожевое охранение...

— Вы невнимательно читали Клоза. Он подчеркивает, что агрессия Советов «произойдет в пять утра, когда едва забрезжит рассвет».

— Но в войсках НАТО, слава богу, круглосуточные дежурства!

— А отпускное время вы скинули со счетов? Клоз достаточно ясно указывает, что Советы нападут в разгар летнего сезона, когда офицеры НАТО предаются кайфу. «Одни, — пишет генерал Клоз, — загорают на Майорке, другие — на Адриатике, третьи—в Афинах покупают сувениры, остальные проводят уикенд, где придется».

— Простите, шеф, боюсь, что наш читатель рассмеется, если мы представим ему офицерский корпус НАТО в виде толпы безмятежных туристов и лентяев.

— Бойтесь другого, Страйк, — безработицы. Она может не пощадить слишком щепетильных военных обозревателей некоторых газет...

После этого разговора цитаты из генерала Клоза снова посыпались на газетные полосы.

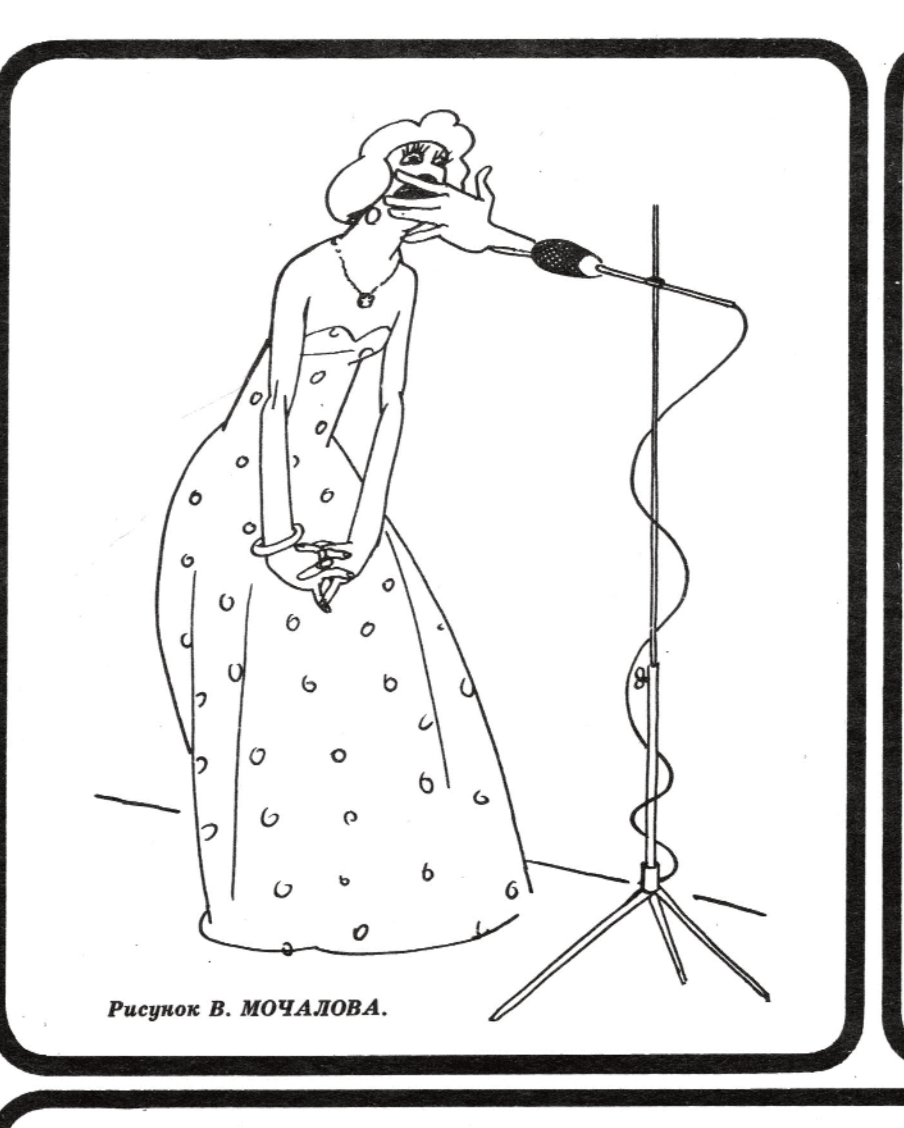
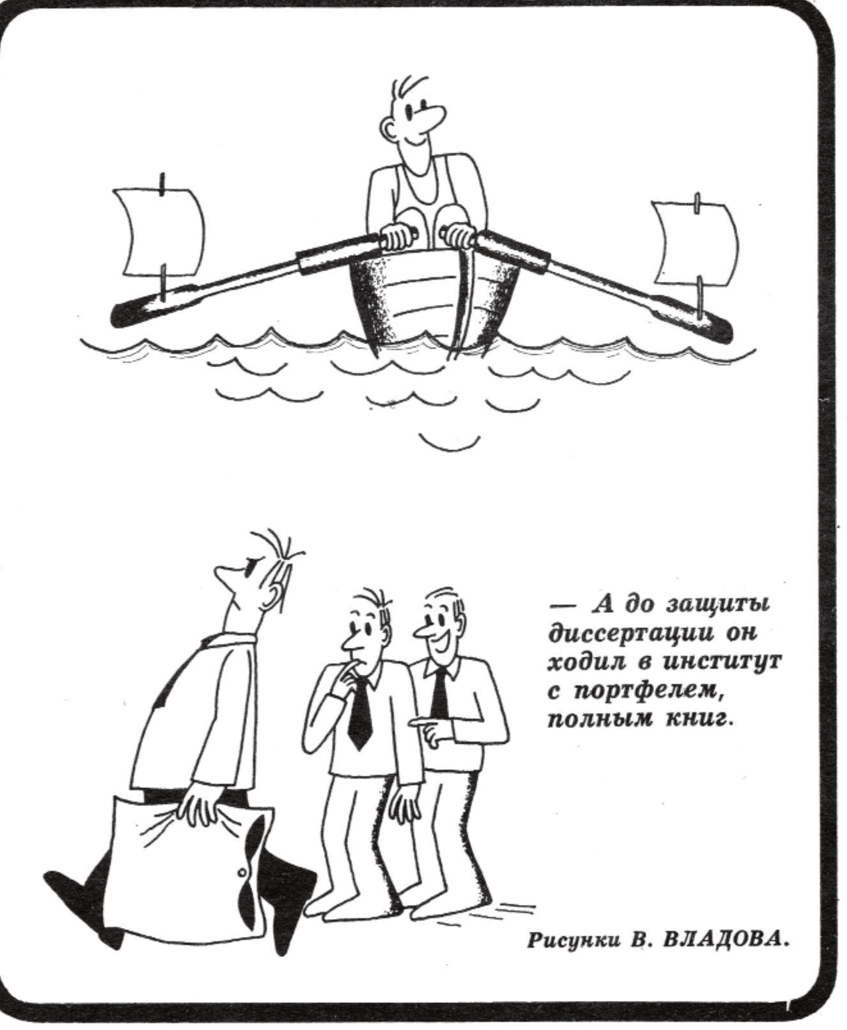
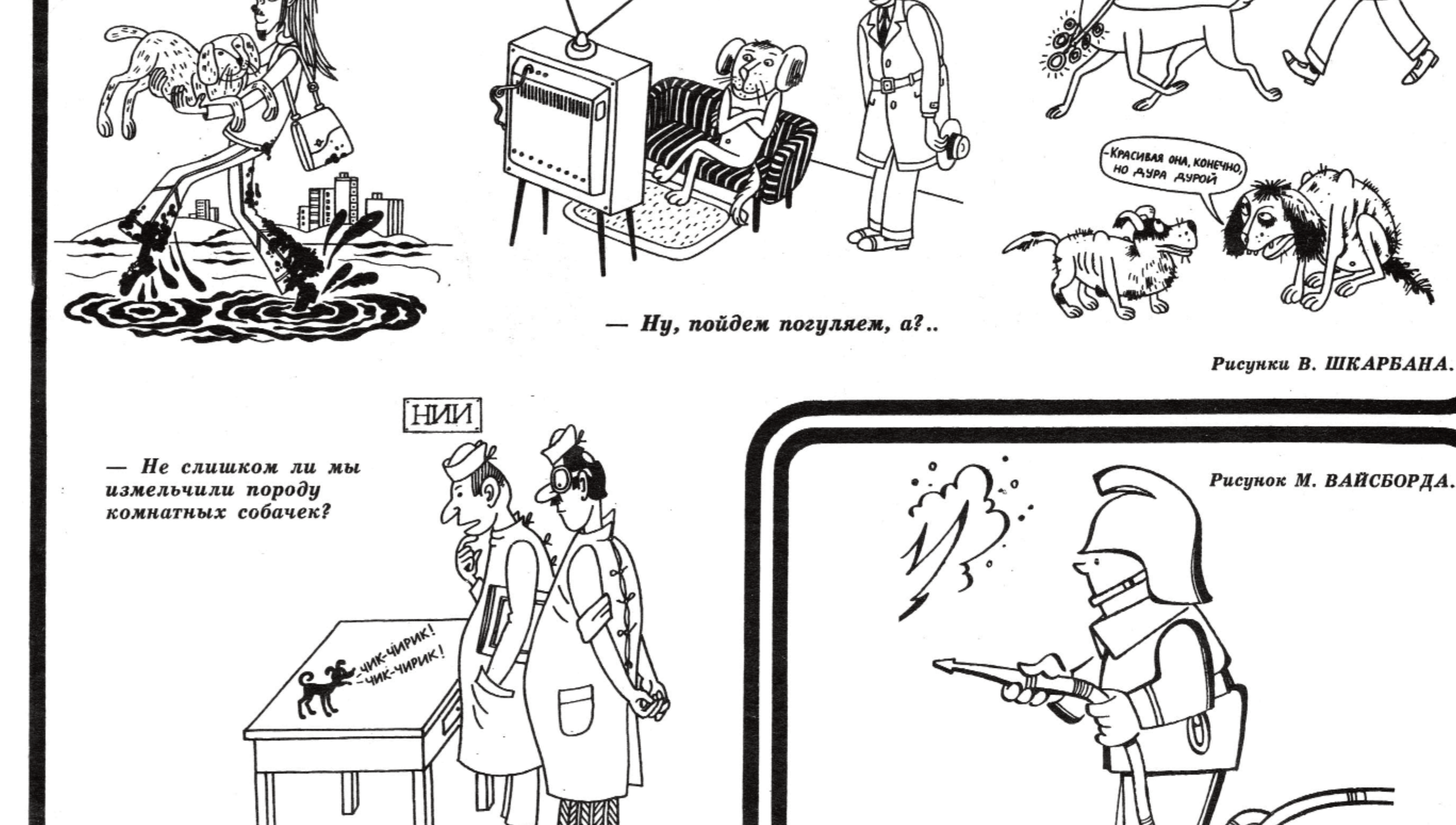

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

— А до защиты диссертации он ходил в институт с портфелем, полным книг.

Рисунки В. ВЛАДОВА.

— Ну, пойдем погуляем, а?..

Рисунки В. ШКАРБАНА.

— Не слишком ли мы измельчили породу комнатных собачек?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Не забыть бы правила тушения!

Что бы это значило?

БЕЛАЯ ВОРОНА

Обыкновенная ворона, живущая рядом с цементным заводом.

О. Иванов, г. Москва.

НАМ ЛИШНЕГО НЕ НАДО

Точка зрения современных молодых супругов на состав семьи.

ВОГНАТЬ В КРАСКУ

Настроить цветной телевизор.

А. Лубанов, г. Москва.

НИ ОДИН ВОЛОС С ГОЛОВЫ НЕ УПАДЕТ

Реклама париков.

В. Голованов, г. Щекино.

БЕЗ ОКОН, БЕЗ ДВЕРЕЙ, ПОЛНА ГОРНИЦА ЛЮДЕЙ

Подписание акта о приеме дома с «некоторыми недоделками».

В. Карпузиков, г. Краматорск.

СЫГРАТЬ В ЯЩИК

Опустить карточки «Спортлото» в почтовый ящик.

Н. Шумилов, г. Люберцы.

БАБЬЕ ЛЕТО

Спокойная, но короткая пора в жизни женщины, когда дети уже выросли, а внуки еще не родились.

В. Асаульченко, дер. Б. Звойка, Тульской области.

ХОДЯТ ТУТ ВСЯКИЕ

Реклама в часовом магазине.

В. Сусликов, пос. Салтыковка, Московской области.

нарочно НЕ придумаешь

«Будучи хорошо развит физически, участвовал в спортивных соревнованиях, выступал с критикой на собраниях».

(Из характеристики).

Прислал И. Орехов, г. Москва.

«На мое возмущение она стала кричать сильнее и уже обрисовывать меня прилагательными изречениями».

«Отдельные жилые дома заросли бурьяном несмотря на неоднократные предупреждения исполкома».

(Из заявлений).

Прислала В. Побойная, г. Хабаровск.

«В вытрезвитель я попал случайно. Думал, что это служебный автобус и поднял ногу».

(Из объяснительной записки).

Прислал В. Алексеев, г. Лесосибирск.

«Тракторист трактора ТТ-4 Дурманов недобросовестно относился к порученной ему работе. В нетрезвом состоянии тов. Дурманов разулся на проезжей части дороги, где простоял полтора суток, а проезжая часть дороги была закрыта».

(Из приказа).

Прислала З. Лыкасова, Хабаровский край.

«Всем своим нутром ненавидя отрицательные явления нашей жизни, гр. Соловьев за два года сменил восемь мест работы только потому, что нигде не нашел себе единомышленников».

(Из речи адвоката).

Прислал Н. Абромайтис, г. Капсукас.

«Суки среднего возраста, пройдите на третий ринг».

(Объявление на смотре-конкурсе служебных собак).

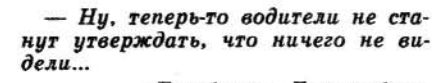
Прислал Н. Солоненко, г. Дружковка.

«Капитан просит своих нападающих, чтобы они шли подальше».

(Из репортажа о футбольном матче).

Записала Т. Мухина, г. Ленинград.

улыбки разных широт

— Ну, теперь-то водители не станут утверждать, что ничего не видели...

«Тагеблат», Люксембург.

«Еж», Югославия.

Ш. ЦЭНД-АЮШ (Монголия)

Ждите решения

Я шел мимо склада, когда разворачивавшаяся машина слегка задела штабель ящиков со стеклом. Ящики зашатались — вот-вот рухнут,— и я поспешил подпереть их спиной. Как назло, рядом никого не было, и я закричал, чтобы привлечь внимание. На крик не спеша подошел мастер.

— Ты как попал под ящики? — сурово спросил он, и я невольно почувствовал себя в чем-то виноватым.

Я объяснил ситуацию и попросил помочь мне.

— Не знаю, не знаю, ящики относятся к складу, а не ко мне,— нахмурился мастер.

— Но я же не могу больше стоять так,— взмолился я,—посмотри, как я согнулся весь...

— Ладно,— смилостивился мастер,— пойду доложу начальнику, может, он что-нибудь придумает.

Мастер ушел, и с минуту я крепился, но ящики давили на мою бедную спину все сильнее и сильнее, и я снова закричал.

В окне на втором этаже появилась голова начальника планового отдела. Голова критически осмотрела меня и молвила:

— Хватит вопить на весь двор, работать из-за тебя невозможно.

— Но я не могу больше держать на себе ящики! И вылезти сам тоже не могу! — закричал я.

— Не могу, не могу! — передразнил меня начальник планового отдела.— Вечно вы норовите увильнуть от ответственности. Мы еще разберемся, как ты ухитрился оказаться под ящиками.

— Да помогите же вы, черт возьми! — возопил я.

— Не мешайте работать,— раздраженно сказал заместитель начальника нашей конторы, который высунулся из окна своего кабинета на третьем этаже.— Мы как раз обсуждаем вопрос, кто должен вас вытащить из-под ящиков. Поймите, товарищ, вопрос этот не прост, поскольку он касается и склада и отдела транспорта, требуется согласование, к тому же, по-видимому, нужно привлечь и инженера по технике безопасности...

— Но я не могу больше...— взмолился я.

— Не волнуйтесь, сейчас поможем вам.

Заместитель начальника исчез и через минуту появился в дверях.

— Сейчас, сейчас,— подбодрил он меня и побежал через двор, смешно подпрыгивая. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер мне лоб.— Потерпите еще немного. Выяснилось, что начальник конторы сейчас в райцентре, и мы послали туда телеграмму...

Конца фразы я не слышал, потому что упал в обморок.

Перевел автор.

— Да, вы правы, собака воспитана действительно хорошо.

«Квик», ФРГ.

Андраш КЮРТИ (Венгрия)

Соседи

Вчера вечером, когда я шел с поезда на свой крошечный участочек в Дунакесине, я вдруг увидел Гезу Хедерштайна. Он мчался по улице, размахивая листком бумаги.

— Вот,— крикнул он,— первый раз в жизни несу заявление на ближнего своего! — Он остановился, тяжело дыша.— И, знаешь, на кого? На Карчи Холле!

— На твоего друга? — изумился я.— Что же он наделал такого?

— Такого?! Представляешь, вчера поздно вечером грузовик привез ему на дачу какие-то железобетонные балки и сбросил на проезжую дорогу. Сегодня утром, смотрю, мой забор повален, метра два, не меньше. Зову Карчи, а этот негодяй только плечами пожимает. «Я,— говорит,— твой забор не ломал, а за шоферов отвечать не собираюсь». Как тебе это нравится? А ведь починить мой новехонькой забор из металлической решетки — это кое-что да стоить будет, ты уж мне поверь! Ну вот я и решил сообщить в поселковый Совет, откуда наш уважаемый Карчи достал все эти железобетонные балки, которые, как ты знаешь, частным гражданам не продаются... Он еще вспомнит мой поваленный забор, скряга несчастный! Он еще не раз пожалеет!

Я кивнул.

— Ты абсолютно прав, дорогой Геза, абсолютно прав. Тебе нужно получить с него все до последнего филлера. Только доведи дело до суда, а там ты покажешь свои бумаги...

Карчи нахмурился и перебил меня:

— О каких бумагах ты говоришь?

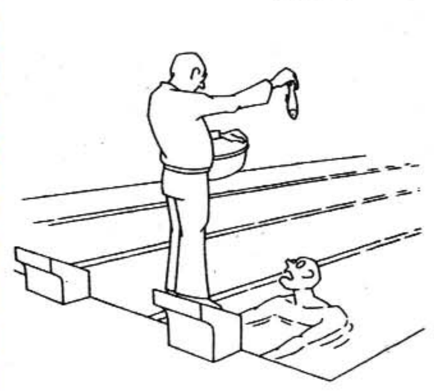
— Как о каких? О копиях счетов. За чугун и за цемент, которые пошли на твой заборчик. За доски, что пошли на опалубку при бетонировании...

Геза пристально посмотрел на меня и покачал головой.

— Ну что ты за человек, вечно ты от всего отбиваешь охоту...

Он повернулся и пошел к своей даче. Победило его лучшее «я». Нечего доносить на своих лучших друзей, особенно когда они еще и твои соседи!

Перевела Елена ТУМАРКИНА.

«Дикобраз», Чехословакия.

— Мои мысли всегда с вами, фрёкен Андерссон!

— Это невозможно! Вы ведь даже не знаете, где я живу!

«Векку-журнален», Швеция.

●

Врач — больному:

— Друг мой, вас нужно оперировать.

— Оперировать! Никогда! Лучше умереть!

— Одно другому не мешает...

●

— Каким образом вы так обожгли уши!

— Видите ли, когда я гладил, зазвонил телефон, и я вместо трубки прижал к уху утюг.

— А второе ухо!

— Должен же я был позвонить, чтобы вызвать врача!

●

— Официант, я был у вас вчера и ел бифштекс.

— Да, сэр, вы желаете его сегодня опять!

— Ну что же, давайте, если никто его больше не ел.

●

В бедной корсиканской семье было восемнадцать детей. Как-то один из них залез в грязную бочку. Когда его оттуда вытащили, мать сказала:

— Пожалуй, легче родить другого, чем отмыть тебя!

●

Англичанка, путешествующая по Франции на машине, говорит при виде знака «Поворот через 100 метров»:

— Как странно, в этой стране все повороты происходят ровно через сто метров!

●

Служащий — директору:

— Я работаю у вас уже шесть лет и еще ни разу не просил о повышении зарплаты.

— Вы неправильно формулируете проблему, мсье Дюпон,— ответил директор.— Вы действительно проработали в нашей фирме шесть лет, но именно потому, что никогда не просили о повышении зарплаты.

●

— Утверждение, что шведские мужчины — плохие джентльмены, не соответствует действительности. Сегодня, например, я видел своими глазами, как один швед прикрывал своим зонтиком от дождя даму, пока она меняла колесо у автомобиля.

●

Слова, слова...

Не в деньгах счастье, это верно, но и не в их отсутствии.

Учрежденческий фольклор островов Фиджи.

Правда в конце концов всегда всплывает, хотя иногда и кверху брюхом.

Базиль Иллар, швейцарский юморист.

По шутам судят о королях.

Шутка средневековых шутов.

Если я и краснею при воспоминании о собственных поступках, то исключительно от удовольствия.

Натали Клод Барней, американская писательница.

— Вы дрались когда-нибудь на дуэли?
— Нет, но я уже получал пощечины!

Из дневника Жюля Ренара, французского писателя.

Компетентный человек—это человек, ошибающийся по правилам.

Поль Валери, французский писатель.

— Конечно, я приму вас на работу, не могу же я отказать своему старому другу... Как, кстати, его зовут?

«Паэзе сера», Италия.

КРОКОДИЛ

№ 17 (2207)

ИЮНЬ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Б. Воробьев, Р. Друкман, В. Елистратов, С. Кузьмин, В. Спельников, В. Тильман, Ю. Черепанов, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Сдано в набор 17/V 1977 г. А 04575. Подписано к печати 25/V 1977 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1— 3 651 350). Изд. № 1259. Заказ № 530.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.